

A watercolor illustration of a narrow, old street. The buildings are rendered in warm, earthy tones of orange, red, and brown. A tall, dark blue church spire rises from the right side of the street. The sky is a pale, hazy blue. In the lower left corner, a small figure of a person holding a yellow umbrella is visible. The overall style is soft and atmospheric.

18+

Ольга Кучумова
ПОТОМУ ЧТО ДОЧЬ

Ольга Николаевна Кучумова

Потому что дочь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836850

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-04865-2

Аннотация

Отец Алены, молодой симпатичной женщины, талантливый художник Александр Черных внезапно умирает в далеком городе Бресте. Очень быстро выясняется, что ситуация пахнет криминалом, да и сама дочь, вынужденная приехать на похороны в чужой город, подвергается опасности. Ведь для неизвестных злоумышленников её приезд оказался полной неожиданностью. Все думали, что Александр Черных – одинокий человек. Алена теперь должна разобраться с обстоятельствами смерти своего отца, а подозреваемых даже слишком много, и распорядиться наследством – квартирой и картинами, ценности которых она пока не понимает.

Ольга Кучумова

Потому что дочь

Она бежала по крышам ночного города, а за ней гнались тени. Город был какой-то незнакомый, с готическими башнями. К своему удивлению, женщина легко преодолевала расстояние между домами, перепрыгивая с одной крыши на другую. Тени тянули к ней свои длинные руки и гримасничали, догоняя Алёну, она в ужасе обернулась и попыталась закричать. Резкий звонок прервал кошмарный сон. Почтальон принёс печальную весть.

Хрупкая женская фигурка, зябко ежась от утреннего холода, появилась на перроне пограничного города Бреста. Никто больше не вышел из поезда и через несколько минут состав, сверкая огнями, умчался в сторону Польши. Женщина, пребывая в полной растерянности и чувствуя себя несчастной, раздумывала, что же теперь ей делать. Очень хотелось закурить, но она бросила эту вредную привычку несколько лет назад. Дул пронизывающий февральский ветер, было темно и холодно, около 5 утра. Побродив, как неприкаянная тень, по перрону и поняв, что само по себе ничего не изменится, женщина решила зайти в здание вокзала, небольшое аккуратное строение из красного кирпича.

Дело, приведшее Алёну в этот небольшой городок из далекого Новосибирска, было очень важным, очень срочным и,

скорее, даже трагическим. Вчера как снег на голову пришла телеграмма, что её отец, Александр Черных, умер, причём уже неделю назад. Известие ударило по голове как молния, внезапно и сильно. Ничего подобного Алёна не ожидала. Да, конечно, отец не молод. Прямо сказать – сильно не молод, ему уже больше 80 лет. Но он же по-прежнему преподавал в институте, был полон энергии, на здоровье совершенно не жаловался.

Всего несколько дней назад Алёна получила от отца письмо и была очень рада весточке. А прочитав послание, она растрогалась. Письмо было, на удивление, очень тёплым. Отец ударился в обычно несвойственные ему воспоминания. Писал, что период жизни в Новосибирске с Алёной и её матерью, бывшей женой, был одним из лучших, и он часто про эти моменты вспоминает с нежностью. Приложил старый карандашный набросок своей бывшей супруги, она тогда ещё была молодой и красивой, без выражения тотального недовольства жизнью на лице. Отец писал, что много ходит пешком, каждый день гуляет по Брестской крепости, а также, что в союзе художников планируется очередная выставка его картин, и он полон желаний в ней участвовать. И вот, получается, пока письмо шло в Новосибирск, он уже умер... А по тону могло показаться, что он как будто бы прощается, ведь обычно у него были гораздо более сухие послания.

Алёна планировала навестить отца в апреле, приехав в отпуск. Познакомить его с человеком, за которого недавно вы-

шла замуж. Она много рассказывала супругу про своего отца – художника. При встрече собиралась уговорить родителя переехать к ней поближе, в Новосибирск, доколе уже можно жить одному. Но вот, получается, ничего не успела сделать, отец умер, так и не познакомившись с мужем Алёны и даже не увидев напоследок дочь. Не зря последнее время у женщины душа болела... Хотя чему тут удивляться, умирают и более молодые мужчины. Но неожиданно как-то.

Вчера, получив печальное известие, женщина ощутила серьезный удар – не каждый день отцы умирают. Но предаваться горю было некогда, пришлось срочно искать крупную сумму денег на похороны и поездку и немедленно вылетать до Москвы, а потом поездом – до Бреста, похороны такое событие, что никто ждать не будет. Мать... она очень удивила, пришла и сказала, поджав губы, что дочь должна дать телеграмму, что приехать не может, нет денег. Пусть отца Алёны хоронит кто угодно другой, а ей не должно быть до этого никакого дела. Что касается его квартиры, то это тем более не должно никого волновать, не нужно никакого от него наследства. Как это не может приехать, ведь отец жил совсем один, других родственников просто нет. А кто его будет хоронить?

Мать, вроде бы сердобольная, верующая и такая, на первый взгляд, странная реакция. Совсем недавно она читала дочери и зятю нравоучительную лекцию про любовь к ближнему, христианские ценности и мораль. Отношения меж-

ду бывшими супругами, родителями Алёны, казалось, были нормальными и вполне цивилизованными. К тому же у матери есть две богатые крестницы, Алёна очень надеялась, что она займет у этих женщин денег на похороны и теперь была растеряна. Слава богу, вмешался муж, до этого молчавший. Он сказал, что игнорировать такое ужасное событие невозможно и сумел быстро найти деньги, а также купить билеты на самолёт. Алёна с тяжёлым сердцем простилась в аэропорту с супругом.

Откладывать поездку даже на несколько дней было нельзя, в телеграмме сказано, что отец умер уже неделю назад. Неясно, почему так долго не сообщали об этом печальном событии, но, наверное, всё выяснится на месте. Впопыхах собравшись, Алёна толком ничего с собой не взяла, даже косметику, без которой в обычной жизни никогда не обходилась.

Побродив немного по вокзалу, женщина решила обдумать дальнейшие действия. Никто её, разумеется, не встречал, она ещё вчера сама не знала, каким рейсом удастся улететь. В круглосуточном буфете она купила кофе в пластиковом стаканчике, он был приторным и не вкусным.

«Итак, что мы имеем, – принялась соображать Алёна. – Телеграмма подписана ректором института, в котором отец преподавал, несмотря на солидный возраст. Других родственников в Бресте нет, но есть племянники в Санкт-Петербурге. Друзей тоже нет, по крайней мере женщина о них ни-

чего не знает. Можно попытаться позвонить в квартиру отца, но это крайне глупо, раз он умер. Хотя, кто знает, может, там кто-нибудь из родственников, племянники, например, приехали, это было бы замечательно. Иначе придётся самой заниматься похоронами, а это приводило Алёну в ужас. Ничего, Алёна, ты уже взрослая, ты справишься», – подбодрила она себя. Но сердце сжимала предательская боль.

Она набрала телефонный номер отца, мелькнула мысль, что печальное известие – ошибка или, может быть, чья-то злая шутка, и сейчас она услышит знакомый бодрый голос. Но в трубке звучали только длинные гудки. Пришло осознание, что человека, скорее всего, больше нет. А где же тело? И вообще, что с ним случилось? Алёну охватило чувство тяжёлой, вязкой тревоги. Единственно правильное решение напрашивалось само собой. Нужно дождаться рассвета и поехать в институт, именно ректором подписана телеграмма, а следовательно, там должны знать, что случилось и где сейчас отец.

Мысли путались. Пришло понимание, что отец умер, а в квартире никого нет. Алёна горько заплакала. Она подумала, что почти не знает человека, которого приехала хоронить. Ей было всего шесть лет, когда родители разошлись, и отец уехал жить и работать в Брест. Это была непростая семейная ситуация. Как писал Лев Толстой, все несчастливые семьи несчастливы по-разному. За каждой подобной историей развода тянется шлейф многолетних обид, претензий, несбыв-

шихся надежд. Страдают, конечно, в первую очередь ни в чём не повинные дети, но не только они. Вот и родители Алёны больше не смогли создать семьи, оба остались одиночками.

Мать постоянно была чем-то раздражена и срывала всё зло на дочери, которая была виновата всегда и во всем. С отцом, после его отъезда в Брест, женщина виделась всего несколько раз в жизни. Один раз они случайно встретились в Санкт-Петербурге. Алёна хотела посмотреть город, побывать в музеях и парках. Отец приехал со своими студентами – будущими архитекторами на практику. Несколько дней они гуляли по Санкт-Петербургу, ходили по музеям и театрам. Тогда же отец познакомил Алёну с родственниками – своей сестрой и её детьми. После этой встречи она несколько раз по собственной инициативе приезжала в Брест. Последний раз она там гостила давно, лет семь назад. Правда, точка между отцом и дочерью никогда не обрывалась – периодически они переписывались, поздравляли друг друга с праздниками.

Иногда женщине казалось, что, несмотря на многолетнюю разлуку, она знает своего папу даже слишком хорошо. Все родственники в один голос утверждали, что женщина просто копия своего отца. Это говорилось почему-то всегда с оттенком осуждения. Алёна воспринималась как некое экзотичное растение, неожиданно взросшее на огороде среди картошки и капусты. Как же – дочка художника! И не то, что бы

родственники не любили Алёну, просто она была какая-то другая, непохожая на них, словно чужая. Она и сама видела сходство с отцом. Похоже было всё – фигура, лицо, взгляд. Более того, утонченная и впечатлительная Алёна унаследовала и художественные способности.

Александр Васильевич Черных, кроме преподавания в институте, был весьма успешным художником, о чём свидетельствовали многочисленные выставки и статьи в специализированных журналах. Работы его продавались тоже весьма неплохо. В пограничном Бресте бывали покупатели из Польши, Германии, они с удовольствием приобретали его картины в художественном салоне. Особенно удавались отцу Алёны работы акварелью.

Родители Алёны познакомились на вечеринке в честь какого-то советского праздника. Мать приняла ухаживания мужчины почти на двадцать лет старше себя, с которым у неё было очень мало общего. Внятно объяснить, почему вышла замуж без любви она потом так и не смогла, ведь никто её силой не заставлял. Несколько лет промучившись вместе и устав от взаимных претензий, семейная пара рассталась.

Избалованная и капризная мать Алёны, младшая в семье, требовала от мужа чрезмерно много внимания, любви и заботы, похожей на отцовскую. Художник Черных, поздно женившийся и привыкший думать только о себе, искренне считал, что о нём и его быте теперь должна заботиться жена. К тому же эта его дурацкая честность... На вопрос молодой

жены, жаждущей хоть какой-то романтики, любит ли он её, он искренне ответил: «Я не знаю, что такое любовь». А ведь мог бы сказать какие-то красивые слова, которые так нравятся женщинам.

Маленькая Алёна, в шесть лет оставшаяся без отца, быстро его забыла, и благополучно воспитывалась любящими дедушкой и бабушкой. Александр Черных, переехавший жить и работать в Брест, не проявлял желания видеться с дочкой, хотя письма ей писал регулярно. Маленькая девочка тоже по мере сил отвечала, писала про свои детские радости и печали. Уже став взрослой, всего несколько раз она встречалась с отцом. Тем не менее Алёна всегда ощущала какую-то странную мистическую связь с ним. Вот и последнее время женщину одолевало смутное беспокойство. Хотя это как раз и понятно – отцу было уже за восемьдесят, а он жил один и так далеко от всех родственников. Единственное, что радовало – это то, что он продолжал преподавать рисунок в институте, а следовательно, был ещё бодр и работоспособен. Алёна вздохнула, оторвавшись от грустных мыслей, и посмотрела на часы – пора было ехать в институт. Наверное, там и расскажут, что случилось с отцом.

Через некоторое время бледная, с печальными глазами Алёна появилась в приёмной ректора. В одной руке она держала небольшую дорожную сумку, другой нервно теребила носовой платок. Её направили в деканат архитектурного факультета.

– Вы мне давали телеграмму, что мой отец, Черных Александр Васильевич, умер, – сказала Алёна, и слезы тут же градом покатились по её щекам.

Декан явно обрадовался её появлению. Он выглядел мягким и интеллигентным человеком. Очки в золотой оправе, теплый вязаный жилет, галстук тоже присутствовал. Всплеснув пухлыми ручками и сомкнув их на животике, он, умиленно глядя на Алёну, сказал:

– Ой, Вы приехали! А мы уж думали, если честно, что никто не приедет. Я Вам выражаю самые глубокие соболезнования! От себя лично и от всего руководства института.

– А от чего он умер? – задала Алёна вопрос, который мучил её больше всего. Еще бы узнать, где тело.

– Сердечный приступ случился. Прихватило прямо ночью у него дома, в квартире. Мы ещё переживали, что Александр Васильевич не пришёл на консультацию. Секретарь ему всё время звонила, а он трубку не брал. Потом, через три дня, по просьбе соседей вскрыли квартиру. Он там лежал на полу в коридоре, об порожек головой ударился. Экспертизу проводили, вскрытие делали. Вот у меня есть заключение.

Декан полез в сейф и нервно зашуршал бумагами.

– Зачем экспертизу-то? – удивилась Алёна. – Ведь он же дома умер, да и было ему больше 80 лет.

– Не знаю, так положено, – пожал плечами декан. – Завтра похороны. Сейчас я Вас введу в курс дела. Как же хорошо, что Вы приехали! – Он вытащил из сейфа какие-то бумаги.

– Похороны оплачивает военкомат, как участнику войны. Уже всё необходимое приобрели. Вам требуется купить для него одежду, цветы и заказать поминки. У Вас деньги-то есть?

Алёна замаялась немного.

– Да, – сказала она, – заняли денег. – Все произошло так неожиданно.

С деньгами, честно сказать, пришлось изрядно побегать. Телеграмму принесли утром, а вылетать нужно было немедленно. Мать, на которую Алёна рассчитывала в первую очередь, сказала, что у неё денег нет и призывала дочь не ехать на похороны, чем немало её удивила.

– Но мама, ты же понимаешь, что это просто не по-человечески, у него же нет в Бресте никаких родственников.

Деньги в итоге удалось занять мужу Алёны. Он же, под неодобрительные взгляды тёщи, поехал провожать жену в аэропорт. Алёна обещала звонить и держать его в курсе дел.

– Я Вам дам машину от института, – сказал декан, – Полинка, секретарша наша, Вам поможет. Вы поедите по магазинам, купите все, что необходимо. Вот, кстати, ключи от его квартиры – мне следователь отдал, который проверку по этому делу проводил. А Вы не знаете, случайно, приватизирована ли его квартира и кому она достанется? Написал ли он завещание ?

– Нет, – честно сказала Алёна, – не знаю. Он мне писал, что приватизировал квартиру. Но это было очень давно.

– Вот и славно, а то недвижимость отошла бы государству.

Женщина не была уверена в информации по поводу приватизации. Что-то такое отец ей писал, но Алёна уже не помнила. Поинтересоваться насчет потенциального наследства она стеснялась, боялась, что будет неправильно понята. Отец болезненно относился к теме смерти и всячески избегал подобных разговоров. Мать Алёны категорически считала, что никакого наследства дочери не нужно и нечего об этом думать. Она была сторонницей, так называемых, духовных ценностей. Женщина, наконец, задала волнующий её вопрос:

– А где сейчас отец?

– В морге. Завтра заберём его оттуда и поедem на кладбище.

Алёна испытала некоторое облегчение. Слава богу, что институт и ещё военкомат принимают участие в организации похорон, у неё и так голова идет кругом. Надо взять себя в руки и продержаться до завтра, пережить как-то похороны. Хотя об этом даже страшно подумать. Потом постараться успокоится и заняться проблемами наследства. Неизвестно, как оформлена квартира, а ещё есть отцовские вещи, картины, архивы, фотографии...

Алёне в помощь декан выделил двух человек – длинноногую рыжеволосую секретаршу Полинку и седовласого вальяжного преподавателя Владимира Михайловича. Полинка была жизнерадостна по натуре и стрекотала без передышки. Её болтовня даже немного успокаивала. Полинка приня-

лась рассказывать, какой Александр Васильевич был замечательный. Он прекрасно и очень молодо для своих лет выглядел, читал замечательные лекции, даже ходил каждый день пешком в Брестскую крепость. Писал талантливые картины. И Полинка и преподаватель выражали Алёне своё самое искреннее соболезнование.

Владимир Михайлович предложил поехать в квартиру отца Алёны и посмотреть, что может пригодиться из его вещей. На служебной машине быстренько доехали до дома умершего. На улице, несмотря на конец февраля, было тепло, но пасмурно и сыро. Серая панельная пятиэтажка, уютный и чистенький дворик – знакомая картина для Алёны. Ничего не изменилось с тех пор, когда она была здесь несколько лет назад.

Они зашли внутрь квартиры. Алёна с любопытством огляделась. В глаза бросался ужасный беспорядок, и это у отца, который всегда был чистюлей и педантом. У Александра Васильевича была крошечная двухкомнатная квартира с пятиметровой кухонькой, так называемая «хрущёба». Из маленького коридора видно было неубранную постель в гостиной, на которой валялась скомканная полосатая пижама. Алёна несколько раз приезжала к отцу в Брест и знала, что он любит спать именно в пижаме. С утра он обычно делал зарядку с гантелями, а потом уже умывался и переодевался в домашний халат.

Заглянув в гостиную, женщина убедилась, что всё в ней

по-прежнему, только довольно сильно захламлено. Мебель была добротной – отец когда-то купил румынский гарнитур чуть ли не из палисандрового дерева, но уже очень старой. Женской руки совершенно не чувствуется, и уюта, разумеется, нет. Словом, жилище одинокого пожилого человека, хоть и художника. На окнах висели довольно пыльные шторы. На стенах – две акварели, написанные отцом Алёны, и огромная репродукция портрета Джоконды – попытка украсить убогий интерьер.

– Он тут делал ремонт, нанял какого-то работника, – сказал Владимир Михайлович, – но получилось неудачно.

«Неудачно, это ещё мягко сказано, обои непонятного белесого цвета, наклеены так криво, что даже я гораздо лучше бы это сделала», – подумала Алёна.

В другой комнате была устроена мастерская. Там и сям валялись кисти и краски, стояли прислоненные к стене картины, в основном – акварели. Здесь царил творческий беспорядок. Когда Алёна последний раз гостила у отца, а это было лет шесть назад, ничего подобного не наблюдалось. Вместо мастерской здесь была спальня, чистенькая и аскетичная. Картин было немного, так как обычно они быстро продавались, по мере того, как были написаны.

Алёна тогда попросила подарить ей какую-нибудь работу, желательно выполненную маслом. Но с этим возникли проблемы, так как выбора особенно не было. Наконец, отец предложил дочери в подарок морской пейзаж. Он подписал

картину довольно приятно: «Дорогой доченьке Алёнке». Зато сейчас, судя по всему, выбор был огромный. И эти прекрасные работы отец написал за последние годы? Какая, однако, работоспособность! Невероятно!

– Ах, какие красивые картины, – начала восхищаться секретарша Полина, – такие необыкновенные пейзажи, яркие цвета!

– Он был сильным живописцем, – прокомментировал Владимир Михайлович, – особенно хороши у него акварели. Акварели сейчас редко кто пишет, все больше работают маслом, такие работы легче продать. Но Александра Васильевича интересовало только искусство, а не деньги. Он последнее время почти не продавал свои произведения. Говорил: «Они мне как дети».

На письменном столе у окна лежал незаконченный рисунок, стояли баночки с гуашью, кисточки, раскрытая художественная книга. Казалось, художник на минутку вышел в соседнюю комнату. Владимир Михайлович выдвинул ящик стола и жестом указал на лежащие там деньги.

– Вот, возьмите. Это его деньги, должно быть недавно продал картину. Теперь эти деньги – Ваши. Пригодятся на похороны.

Алёна взяла довольно толстую пачку белорусских зайчиков и машинально хотела их пересчитать, но подумала, что при посторонних это делать неудобно, и просто положила эти деньги, перетянутые простой резинкой, в сумочку.

Владимир Михайлович предложил не терять зря время и выбрать что-то из вещей отца, чтобы отдать их в морг и похоронить в них Александра Васильевича. Алёна подошла к шифоньеру и достала старый пиджачок с дырками на подкладке. Ужаснувшись, она посмотрела другие вещи. Они оказались сильно поношенные.

– Нет, – заупрямилась Алёна, – невозможно хоронить в таком старье отца. Это не по-христиански. Я читала, что нужно хоронить во всем новом. Нужно поехать и купить ему одежду.

– Ну как хотите, – раздраженно вздохнул Владимир Михайлович, – если Вы так богаты...

– Так есть же деньги, – удивилась Алёна, похлопав рукой по сумке, где лежали белорусские зайчики.

Полина горячо поддержала Алёну.

– Нет. Это не дело похоронить такого уважаемого преподавателя в каком-то старье. Нужно поехать по магазинам и купить костюм, рубашку, ботинки. И галстук.

Владимир Михайлович, у которого были, видимо, свои планы, не осталось другого выбора, как смириться.

– всё-таки Вы молодец, что приехали, – сказал Владимир Михайлович, – Мы думали, что никто не приедет, ведь это далеко и дорого.

– Как же иначе, – удивилась Алёна, – это же мой отец. А почему так поздно дали телеграмму и где нашли мой адрес?

– Нам следователь после проверки отдал ключи от квар-

тиры. Мы порылись в вещах Вашего отца и в его старых записных книжках нашли Ваш адрес. А телеграмму не давали, потому что не могли изыскать денег, как раз был праздник, 23 февраля. Мы же в Белоруссии ещё беднее, чем жители России. Кстати, а квартира, она приватизирована?

– Не знаю, – честно призналась Алёна, – отец мне писал, что приватизировал квартиру, но это было давно...

– Значит, Вы теперь наследница! И квартира Вам двухкомнатная теперь достанется и его картины. – В голосе Владимира Михайловича вдруг явственно прозвучала зависть, а тон стал не такой уж сочувственный.

Алёну покоробил этот тон. Сначала все ей выражали соболезнование и жалели её, а теперь – пожалуйста. Квартира, картины... Да она ещё об этом и не думала. Нужно сначала похоронить отца, а потом уже разбираться, чья квартира и картины. Всем наплевать на переживания дочери!

Оставшиеся полдня были потрачены на покупку необходимых для похорон вещей – костюма, рубашки, галстука. Потом всё это отвезли в морг и отдали санитарам. Алёна также купила себе чёрную водолазку из белорусского трикотажа, чтобы прилично выглядеть на завтрашнем, тяжёлом для неё мероприятии. Все, что планировали, было выполнено. Алёне отдали ключи от квартиры её отца, и она решила там остановиться. Начало уже темнеть и пора было возвращаться, завтра предстоял тяжёлый день.

Усталость и бессонная ночь давали о себе знать. Голова

будто налилась свинцом, и лучше всего было бы лечь спать, но Алёна решила осмотреться. Она не была в этой квартире около семи лет. Обстоятельства сложились так, что виделись они с отцом всего несколько раз в жизни, каждый раз по инициативе Алёны. Раньше в этом жилище царил холостяцкий порядок и чистота, но с тех пор всё изменилось. Видимо, сказывался уже почтенный возраст владельца. Квартира была крайне захламлена, изменилась и обстановка. Там, где раньше была спальня, сейчас устроена мастерская. Огромное количество картин повсюду – на полу, на узкой тахте, вдоль стен и даже на шифоньере.

Вот портрет маленькой девочки в соломенной шляпке и с букетом милых незабудок, городской пейзаж, натюрморт с яблоками... На мольберте у окна натянут холст, на старом письменном столе – тюбики с масляными красками, кисточки, какие-то мелки, гуашь. Отец, судя по всему, в последние годы развил кипучую деятельность и это в таком-то возрасте! Просто творческий расцвет какой-то.

Когда Алёна здесь гостила последний раз, картин почти не было. Как правило, отец сразу же продавал свои произведения – сдавал их в художественный салон. Были у него и постоянные клиенты. Одна дама приходила домой и покупала картины оптом. Довольно крупная сумма, лежавшая в ящике письменного стола, свидетельствовала, что отец продал недавно несколько работ. «Сколько тут народу было после того, как вскрыли квартиру. И никто не взял деньги, –

подумала Алёна, – надо же, какие честные люди!».

Обстановка в гостиной соответствовала стилю расцвета позднего социализма. Около окна стоял старенький цветной телевизор – Минский «Горизонт», далее – музыкальный центр с колонками, небольшой сервант с посудой – хрустальными рюмками, вазами, фарфоровыми чашечками. Алёна с любопытством заглянула в ящики серванта. На одной из полок стопкой громоздились виниловые пластинки с классической музыкой, на другой – коробка с фотографиями и какие-то бумаги. Вплотную к серванту придвинут книжный шкаф, полки которого распирало от книг по искусству и художественных альбомов. В комнате было два спальных места – диван-кровать, на котором спал отец, расположенная, что называется, ногами к двери, и ещё тахта в другой части комнаты, около окна.

На диван-кровати лежало смятое одеяло, простынь, валялась подушка, сверху – полосатая пижама. « Все в таком беспорядке, – подумала Алёна, – как будто кто-то боролся». Рядом с изголовьем находился старенький торшер ядовито-зеленого цвета. «Говорят, что зеленый цвет якобы успокаивает, – пришло в голову женщине, – но этот торшер выглядит просто зловеще. Почему-то сбоку чёрное пятно, как будто его нечаянно подпалили, хотя я точно знаю, что отец не курил. Тогда каким образом это произошло?».

Стены были украшены акварелями, написанными отцом, в основном пейзажами. Огромная репродукция Джоконды

висела в центре залы и при свете торшера имела какой-то синюшный оттенок. «Кто-то считает, что Джоконда – необыкновенная красавица, но только не я, – размышляла Алёна, – эти выбритые брови, тонкие губы... А её знаменитая улыбка! Какая-то змеиная. Как будто она кого-то только что отравила и скрывает это, но очень довольна. И что отец в ней нашёл? Да ещё репродукция сомнительного качества, ещё и очень большая по размеру». Алёна вспомнила, что отец тоже подарил ей копию картины Леонардо да Винчи – «Дама с горностаем». Алёна очень ценила работы художников Возрождения, некоторые она видела в Эрмитаже. Современных художников она не понимала и не любила.

«Кто только клеил обои в этой комнате, они наклеены вкривь и вкось, я даже лучше бы это сделала, – мрачно размышляла Алёна. – Цвет такой ужасный, белесый, хоть обои и новые. Папа, может быть, и хороший художник, но в уюте ничего не понимал. Взять, например, эти шторы, темные и мрачные, с оборванными петельками. К тому же они явно очень пыльные, давно не стиранные. А уж тюль, так тот вообще почти чёрный. Раньше папа считал, что тюль крадет свет и без него гораздо лучше».

У окна стоял стол, застеленный дешевой клеенкой, а на нем антикварный самовар, настоящий, не электрический, который разжигается углем. Зачем он отцу, ведь у него никогда не было дачи, а в комнате пользоваться подобным самоваром невозможно?

Алёна ужасно хотела спать и присмотрела себе для этих целей узкую тахту около окна. Ложиться на разобранную кровать отца она была морально не готова.

В голову пришло, что можно было бы выпить хотя бы чашку чая, у неё весь день маковой росинки во рту не было. Кухонька в этой малогабаритной квартире была совсем крохотная, меньше пяти метров. Там с трудом разместились: стол около окна, газовая плита, мойка для посуды, а также кухонный сервантик, в котором находились и посуда, и книги, и коробка с письмами и документами. В углу стоял большой холодильник. Всё было достаточно старым, но в хорошем состоянии. Что называется бедненько, но чистенько.

Алёна открыла холодильник, но ничего интересного не увидела, там было шаром покати – заплесневевший хлеб и квашеная капуста в целлофановом кулечке. Тогда она заглянула в сервант, но не нашла там ни заварки, ни сахара. Алёна поняла, что с чаем ничего не получится и решила взглянуть на бумаги в серванте.

«Да, кстати, а квартиру-то Ваш отец приватизировал?», – всплыл в памяти вопрос, который ей несколько раз сегодня задали. И правда, нужно узнать, как оформлена квартира, где документы. Потому что, если она не приватизирована, то отойдет государству. Посмотрев пачку разных бумаг, которые лежали в серванте, Алёна не нашла ничего похожего на документы на квартиру. Сбоку стопкой лежали квитанции, какие-то медицинские справки и рецепты, в большой короб-

ке были письма и фотографии. Алёна машинально просмотрела корреспонденцию и ничего особенного там не обнаружила. Письма и открытки с отдыха от каких-то знакомых, а также её собственные.

Но вот одно письмо, из милиции, её заинтересовало. Интересно, о чём это оно? Прочитав, Алёна задохнулась от возмущения. Сухим казенным языком было написано: «Отказать в возбуждении уголовного дела по факту пропажи Ваших медалей 9 мая». Далее следовало обоснование отказа в довольно-таки оскорбительном тоне. Внизу стояла подпись участкового по фамилии Касьяник. Письмо было написано осенью прошлого года. Получается, что у отца примерно полгода назад, 9 мая, пропали воинские награды, которые он получил, как участник войны.

Интересно, каким образом это произошло? Наверняка, старик ужасно расстроился, это стало для него тяжёлым ударом. Почему отец ничего не написал по этому поводу? Привык решать свои проблемы сам. Он ведь никогда не жаловался. Это поколение, прошедшее войну, просто железобетонное. Какое, однако, мерзкое отношение у этого участкового к ветерану войны! Ни сочувствия, ни желания помочь... Сам тон отказа в расследовании какой-то невежливый, унижительный. Новое поколение, видимо, не воспитывалось в традициях уважения к подвигу участников войны, для них нет ничего святого. Алёна обязательно расспросит сотрудников кафедры, как пропали эти медали, ведь потерять их не

так-то просто. Хотя завтра похороны, день и так предстоит очень тяжёлый. Наверное, будет не до этого.

Больше Алёна ничего интересного не нашла. Несколько сберегательных книжек с небольшими суммами денег, удостоверения к медалям. Никаких документов на квартиру Алёна не обнаружила. Она зашла в гостиную и поискала в серванте там. Но документы тоже не попались на глаза. То есть, Алёна так и не увидела ничего, способного пролить свет на этот вопрос. Ладно, после похорон будет время всё спокойно посмотреть и разобраться, чья в конце концов квартира. Все равно делами отца придётся заниматься не один день. Нужно будет распорядиться вещами, картинами и так далее.

Наверное, сейчас лучше всего лечь спать. Честно сказать, Алёна падает с ног от усталости. Она провела бессонную ночь. Сначала самолёт, потом поезд, потом целый день хлопоты по поводу похорон. Алёна боялась себе признаться, как тяжёло ей будет пережить завтрашний день. Все дело в некой фобии. У отца была одна особенность – впечатлительный художник Черных боялся похорон. Мать рассказывала, что когда умер дедушка Алёны, она ожидала от мужа помощи и моральной поддержки. Вместо этого он целый день катался на лыжах. Мать небезосновательно обвинила мужа в чудовищной черствости и эгоизме.

Но Алёна, унаследовавшая непонятный страх перед похоронами, встала на защиту отца. Все дело было в тонкой

психике, характерной для творческих людей. Отец был чрезмерно впечатлительный. Это качество присутствует у людей творческих, помогает рождать яркие образы, но очень плохо для обычной жизни. Мать, выраженный технарь, не могла понять мужа, а в последствии, и дочь. Она исправно посещала всевозможные похороны и поминки, а также обожала ходить на кладбище и рассматривать различные памятники. Если же случалась чья-то свадьба, то мать избегала там появляться под различными предложениями.

Для Алёны похороны были тяжёлым испытанием, но в данном случае наступил момент в жизни, когда требовалось исполнить свой долг. Хотя мать и призывала её не ехать в Брест, сама женщина прекрасно понимала, что никогда себе не простит, если останется дома. Но на душе у Алёны было очень тяжело, страх и беспокойство терзали её. Тяжесть, как чёрная туча, навалилась и как будто придавила её к земле. «Ничего, – утешала себя Алёна, – нужно только пережить завтрашний день, а потом постепенно боль пойдет на убыль, и через какое-то время она будет вспоминать об отце с тихой грустью».

Неожиданно в дверь позвонили. Алёна очень удивилась, так как время было уже позднее, но открыла. На пороге стояла очень старенькая сгорбленная старушка. Алёна с трудом узнала соседку отца по площадке, которую она видела несколько раз в свои предыдущие приезды. Старушка, держась за стены, прошла в гостиную и опустилась на диван.

– Алёна, какое горе у Вас, – запричитала она. – Александр Васильевич был таким хорошим человеком. Я понимаю, как Вам сейчас тяжёло.

«Вы даже себе представить не можете насколько», – согласилась про себя Алёна.

– Я Вас приглашаю к нам ночевать, – продолжила старушка, – негоже оставаться одной в таком горе.

Несмотря на настойчивые уговоры соседки, Алёна отказалась. Она не хотела никого стеснять и чувствовать себя неловко, ночуя у чужих людей. Поэтому Алёна поблагодарила старушку и вежливо отказалась. Спать хотелось настолько сильно, что казалось – только преклони голову к подушке и сразу же погрузишься в глубокий и крепкий сон. Женщина невольно задумалась, что происходит с душой после смерти и не витает ли она где-то здесь. С другой стороны, папина душа в любом случае не причинит вреда дочери, так что беспокоиться не о чем. К тому же Алёна, несмотря на некоторые комплексы, отнюдь не суеверная и не трусиха. Она прекрасно переночует в квартире отца, никого не напрягая. Старушка нехотя удалилась.

Вздыхнув с облегчением, Алёна умылась, переделалась в халатик и свернулась калачиком на тахте, укрывшись одеялом. Торшер она оставила включенным, просто так, на всякий случай. После этого женщина мгновенно отключилась.

Через некоторое время Алёна неожиданно проснулась, было ощущение, будто её кто-то разбудил. Женщине пока-

залось, что уже глубокая ночь, но посмотрев на часы, она поняла, что нет ещё и 23 часов. Зловеще светил зеленоватый торшер, недобрым взглядом с противоположной стены смотрела Джоконда, как будто она знала какую-то ужасную тайну. Алёна почувствовала мороз по коже. Из-за необъяснимого страха она поняла, что уснуть уже не сможет. Решение пришло быстро и как бы само собой – нужно идти ночевать к сердобольной соседке, пока есть вероятность, что она ещё не спит.

Ругая себя последними словами, Алёна быстро засобиралась. «Не думала я, что ты такая трусиха, – говорила себе женщина, – Почему ты не можешь находиться в этой квартире? Ведь она же заперта на ключ, рядом, за стенкой, мирно спят соседи, за окном тихий район спокойного городка Брест. Тебе же, в принципе, ничего не угрожает! Но нет, ты идешь на ночь глядя напрягать совершенно посторонних людей, которые из вежливости пригласили тебя погостить».

Несмотря на острое недовольство собой, Алёна подскочила с тахты, быстренько оделась, взяла ключи и вышла на лестничную площадку. Через минуту она уже звонила в дверь соседней квартиры. Антонина Ивановна, так звали сердобольную женщину, к счастью, ещё не спала и смотрела телевизор. Соседка и её муж, высокий сутулый старик, встретили Алёну очень радушно.

Старушка предложила гостье переночевать в гостиной на диванчике. Пока бабушка стелила постель, к ним в гости за-

глянула ещё одна соседка, Марина, довольно молодая и симпатичная женщина из квартиры напротив. Она призналась, что наблюдала в глазок, как Алёна звонит в дверь к Антонине Ивановне, а поскольку просто умирает от любопытства, то не могла оставаться дома, так сказать, вдали от событий.

Алёна, почувствовав себя в безопасности, подумала, как сильно она всё-таки хочет спать. Для того ли она подорвалась посреди ночи и пришла к Антонине Ивановне, чтобы общаться со всеми соседями? А ведь завтра рано вставать, ехать в морг, потом на кладбище...

Но женщины не желали войти в положение Алёны. Они принялись наперебой расспрашивать гостью из далекой Сибири, а также что-то рассказывать про своего внезапно умершего соседа. Марина не преминула тут же сообщить, что Александр Васильевич обещал ей подарить какую-нибудь картину, да вот не успел, умер. «Ну, конечно, – подумала Алёна, – так я тебе и поверила. Теперь можно что угодно говорить. Папа никогда никому не дарил своих работ. А в последнее время он даже отказывался их продавать, так ему жалко было с ними расставаться. Он говорил, что ему картины, как дети, мне так на кафедре рассказывали».

– А какого числа умер Ваш папа? – спросила Антонина Ивановна.

– Как это – какого? – удивилась Алёна, – 19 февраля. У меня так написано в свидетельстве о смерти, мне его на кафедре отдали.

– А вот и нет, – торжествуяще заявила пожилая соседка, – он умер гораздо раньше, числа 15 или 16.

– Кстати, это действительно так, – подтвердила Марина, – 19 февраля его тело обнаружили, вскрыв квартиру.

– Но ведь есть же заключение экспертизы, там чёрным по белому написано, – возмутилась Алёна.

– Наплевать на эту экспертизу! – нетерпеливо сказала Марина, – Я тебе говорю, всё было не так, как там написано.

«И чего они мне голову морочат, – с досадой подумала Алёна, – Я сегодня когда-нибудь лягу спать? Конечно, этим теткам хорошо, а в Сибири уже глубокая ночь, у нас же разница во времени 4 часа!».

Но Антонина Ивановна бодро продолжала:

– Мы с мужем 16 числа рано утром пошли выгуливать нашего песика Тяпочку, – она кивнула на рыжую лохматую псину, которая сидела неподалеку и, опустив одно ухо, прислушивалась к разговору. И видим – у Александра Васильевича свет в окне горит.

– Ну и что?

– А то, что свет у него горел и днём и вечером. И на следующий день тоже. С кафедры секретарь прибежала, спрашивала, не знаем ли мы, что с ним произошло. Потому что он не пришёл на консультацию и на звонки не отвечает. А мы откуда можем знать? Он нас, если куда-то уезжал, никогда в известность не ставил. Мы и стучали к нему и звонили – всё бесполезно.

– В общем, – продолжила Марина, – уже сил больше не было терпеть и думать, что там такое случилось. А когда мы увидели, что и 19 свет горит, то вызвали милицию. Они нашли понятых и вскрыли квартиру. А он там лежит в коридоре, лицом вниз, о порог в туалете ударился. Рядом валялся веник. Видимо, подметал квартиру, с сердцем плохо стало и упал.

– Нет, – сказала Антонина Ивановна, – милиция не вскрыла квартиру. Они вызвали пожарных и те зашли через балкон, у Александра Васильевича балконная дверь была открыта.

– Да, точно, – согласилась Марина, – он же любил спать с открытой дверью, закалялся всё. Да и зима у нас в Бресте теплая, сейчас вон +10.

– А ещё, – продолжила рассказ Антонина Ивановна, – соседка снизу, Зоя Васильевна, рассказывала нам потом, что она в ночь на 16 февраля слышала сильный шум, как будто стул упал, потом ещё какие-то звуки, потом кто-то стонал. А после всё стихло. Она и милиции хотела это рассказать, да только они не стали её даже слушать.

У Алёны сон как рукой сняло. Сердце защемило от боли. Бедный папа! Ему, наверное, стало плохо с сердцем, он хотел вызвать скорую, но не смог дойти до телефона. Упал и ударился. Он лежал и стонал от боли, но некому было прийти ему на помощь. Возможно, если бы вовремя приехала скорая помощь, его удалось бы спасти. Вот что значит – жить

одному! Алёна предлагала отцу переехать в Новосибирск, а он обещал подумать. А чего тут думать-то, когда больше 80 лет на носу.

Алёна решила задать ещё один вопрос, мучивший её.

– А вы не знаете, что случилось у него с медалями? Вроде они куда-то пропали 9 мая, я нашла письмо из милиции.

– Да, неприятно получилось, – закивала головой Антонина Ивановна. – В институте всегда собирают 9 мая участников войны. Вот Александр Васильевич туда и отправился, как всегда, одел свои медали. Ветеранам налили по 100 грамм в честь праздника. Ну и папа твой тоже выпил, не отставать же от других. Хотя выпивать он совсем не мог, ему сразу плохо становилось. Ну а потом всех ветеранов по домам отправили на автобусе, его тоже довели до подъезда. А он сел на лавочку, да и отключился. А когда очнулся – нет ни одной медали. Все с пиджака сняли.

– Как, прямо на улице? – поразилась Алёна, – Там же, наверное, были люди, всё-таки 9 мая. Неужели никто ничего не видел? С пиджака не так-то просто снять медали, они ведь прикручены.

– Да, вот так всё и было. Александр Васильевич, разумеется, очень расстроился, – сказала Антонина Ивановна. – Он даже написал заявление в милицию. Но потом смирился, сказал, что закажет планки, ведь у него остались удостоверения к медалям.

– Наверное, это ужасно, ведь за эти медали заплачено кро-

вью. Да ещё такое хамское отношение в милиции. Представляю, как отец переживал!

– Мы с мужем его очень хорошо понимали, – откликнулась Антонина Ивановна, – ведь мы тоже участники войны!

Старушка на минуту вышла из комнаты, принесла китель времен войны и с гордостью продемонстрировала его. В несколько рядов китель был украшен орденами и медалями.

На следующее утро Алёну разбудила Антонина Ивановна. Она собрала на кухне нехитрый завтрак – чай, домашние булочки.

– А кофе у Вас, случайно, нет? – с надеждой спросила Алёна, в душе понимая всю безнадежность вопроса. Вряд ли у стариков есть кофе.

Алёна была кофеманка со стажем. Утро без любимого напитка превращало её в нервную раздражительную особу. К обеду мысли о кофе становились навязчивыми, а жизнь – не в радость. Антонина Ивановна отрицательно покачала головой. Алёна вздохнула. Сейчас, когда она испытывала такой сильный стресс, кофе ей был особенно необходим. Он бы взбодрил бы её после почти бессонной ночи и придал ясность мыслям. Но ничего не поделаешь, придётся терпеть.

Алёна поблагодарила гостеприимную хозяйку за завтрак и вернулась в квартиру отца. Залитая утренним светом комната производила впечатление совершенно обычной, огромная репродукция Джоконды не выглядела зловещей. Только беспорядок в квартире был какой-то чрезмерный. «Ну и на-

крутила ты себя, – подумала Алёна. – К соседям побежала ночевать. Ужасная трусиха!».

Заглянув в спешке собранную дорожную сумку, она не обнаружила там ничего из косметики, ни даже расчески. Поискав, она нашла в квартире отцовскую сломанную пластмассовую расческу и кое-как причесала длинные светлые волосы. Без косметики временно придётся обойтись, хотя обычно даже в магазин за хлебом женщина выходила с макияжем. Вздохнув, Алёна нацепила чёрную водолазку из белорусского трикотажа, купленную в палатке за углом и собралась идти в институт, стараясь не думать, что за кошмар ей предстоит сегодня пережить.

В подъезде к ней подошли несколько человек и выразили своё соболезнование. Слава богу, мир не без добрых людей! Одна из соседок, полноватая женщина с русыми волосами и светло-серыми глазами, взяла Алёну за руку и, сочувственно глядя ей в глаза, сказала:

– Я понимаю, как Вам сейчас тяжёло хоронить отца. Такое горе! А Вы одна, в чужом городе. Я предлагаю от всей души свою помощь. Обращайтесь, если что-то надо, не стесняйтесь. Меня зовут Лена. Я Вам помогу прибраться, разобрать вещи отца, там столько работы. Я бывала в гостях у Александра Васильевича. Один раз он помог мне донести ящик с помидорами из огорода. Мы с ним разговорились, и он меня пригласил к себе в гости, показал мне свои картины. Они такие красивые!

Алёна сама прекрасно понимала, как трудно ей придётся без поддержки родных или хотя бы друзей. Нужно как-то совладать со своими эмоциями, ведь столько требуется сделать, даже не знаешь, за что хвататься. Все случилось так неожиданно, что она вынуждена была поехать одна. Даже на это деньги с трудом удалось собрать. Шутка ли, билеты в другой конец страны, расходы на похороны. Все это отнюдь не дёшево. Кто же знал, что основные затраты взял на себя военкомат, а в квартире отца лежат наличные деньги, и их никто не разворовал, несмотря на большое количество приходивших людей.

Похороны прошли как в тумане. Секретарша Полина дала Алёне несколько таблеток валерьянки и сама тоже выпила. Молоденькая девушка сильно нервничала, и когда из морга вынесли гроб, просто сбежала. Алёна на негнущихся ногах подошла попрощаться с отцом. Её удивило большое синее пятно на лбу покойника. Она спросила об этом окружающих. Ей ответили, что это, скорее всего, трупные пятна или следы от удара, ведь его нашли лежащим лицом на пороге.

Алёне предложили пройти в автобус, куда перенесли гроб с телом. Выяснилось, что коллеги отца по кафедре дружно сели в отдельное транспортное средство, и Алёна осталась наедине с покойным. Ах, если бы хоть кто-нибудь из родных был рядом и держал её за руку! Так она и ехала одна в автобусе вместе с мертвым отцом, оцепеневшая, как будто в состоянии сомнамбулического сна. Это, наверное, были

худшие минуты в её жизни. Но вот автобус подъехал к дому отца, и соседи шумною гурьбою заполнили автобус. Алёна пригласила всех желающих на похороны и поминки. Лена села рядом и просто взяла за руку с желанием поддержать. От простого человеческого участия сразу стало легче.

Было холодно, дул сырой пронизывающий ветер. На кладбище лежали сугробы. Отца, как и положено ветерану войны, хоронили с воинскими почестями. Молоденькие военнослужащие стреляли вверх, провожая в последний путь старого солдата. Звучал траурный марш. Алёна чувствовала себя героиней какого-то фильма в трагической сцене – «смерть отца». Всё, вот он – финал жизни, финита ля комедия. Как говорят, жизнь – это театр, а мы в нём актеры. Человек рождается и умирает в одиночку, эту неблагодарную работу он должен проделать сам. Кто-то цинично пошутил, что жизнь – это болезнь со 100% летальным исходом.

Не так-то много событий, связанных с ритуалами. Встреча ребенка из роддома, потом крестины. Или, например, свадьба. У всех народов это связано с определенным пышным торжеством. Раньше Алёна считала, что тратить деньги на свадьбу – пустая и глупая затея. К чему это дорогое белое платье, которое оденешь лишь раз, банкет с большим количеством гостей, дурацкая куколка на капоте машины. Все равно некоторые пары, ещё не успев отдать долги, подают на развод. Но сейчас Алёна убедилась, что праздновать свадьбу нужно, ведь так мало в жизни красивых и запоминающихся

событий. О чём же потом вспоминать.

Ну и последний ритуал – похороны, нередко пышные и торжественные. Проводы человека в последний путь. Наверное, ему уже всё равно, как его хоронили, кто из родственников и друзей пришёл, что сказали. Или не всё равно и душа человека откуда-то сверху это видит?

Несмотря на то, что во взрослом возрасте Алёна виделась с отцом всего несколько раз, она его, безусловно, любила. Если подумать, лучшее, что в ней было выгодно отличающее от других – хороший вкус, утонченность, художественные способности, наконец, привлекательная внешность – всё это унаследовано от отца, это его гены. И Алёна была за это благодарна, страшно было подумать, что она пошла бы в маму.

Возможно, при правильном воспитании, если бы отец жил в семье, делился своим жизненным опытом, учил живописи, всё в жизни Алёны сложилось бы по-другому. Она могла стать художником или дизайнером или искусствоведам. Алёна подумала, как мало она знает про отца. Например, он был участником войны, но никогда не вспоминал про эту тяжёлую часть жизни. Даже про кражу наград Алёна узнала только после его смерти, разбирая коробку с документами. Отец любил рассказывать про своё творчество, всякие выставки, работы учеников. Поговорить про искусство, посещение музеев. Другие темы его не особенно интересовали.

После похорон все собрались в кафе при институте, что-

бы помянуть ушедшего человека. Алёна с секретаршей Полиной вчера заказали поминальный обед. Слава богу, количество мест рассчитали правильно, осталось даже несколько свободных стульев. Народу набралось немного, не больше 40 человек. Преподаватели с кафедры, несколько старшекурсников, соседи по подъезду. Пришли и представители богемы – художники.

Творческих натур было видно сразу. Вот один из них – короткая куртка из белого искусственного меха, свалявшегося и грязного, фетровый берет с пером, лихо заломленный набекрень, борода, как у Дон Жуана. Это уличный художник, с которым Александр Васильевич случайно познакомился, такого ни кем не спутаешь. Или Анфиса, невысокая худощавая женщина в потёртых джинсах. Про таких говорят – сзади пионерка, спереди – пенсионерка. Она вместе с отцом вела изостудию при институте.

Собравшиеся чинно расселись, с удовольствием выпили водки – ведь все замерзли от длительного стояния на кладбище. Алёна тоже выпила. Горьковатая жидкость обожгла всё внутри, но сейчас это было даже кстати. Как принято на похоронах, говорили о покойнике только хорошее. Человек, услышав про себя подобные хвалебные речи, передумал бы, наверное, умирать. Многие рассказали про успехи отца Алёны в воспитании студентов и отмечали, какое это благородное дело. Заведующий кафедрой сказал, что Александр Васильевич Черных внёс огромный вклад в обучение молод-

го поколения. Из его учеников выросли известные в Белоруссии и за рубежом архитекторы и художники. Затем взяла слово Анфиса, коллега отца, которая преподавала вместе с ним рисунок детям в изостудии.

– Я удивляюсь, почему здесь так мало его учеников, – произнесла Анфиса, – тут всё должно быть в венках, столько он воспитал замечательных архитекторов, художников, научил их прекрасному, вложил в них свою душу!

Алёне вдруг стало обидно за отца. Кроме парочки студентов от профкома, никого больше не было. А ведь он столько лет учил молодежь, передавал опыт и знания, давал им всё то, чего была лишена Алёна.

– Конечно, достойный был человек, – подытожил выступления заведующий кафедрой, – про него можно сказать, что жизнь прожил не зря. Оставил после себя талантливые картины, обучил огромное количество студентов, работал даже с маленькими детьми. Его ученики – это его заслуга. Но самое главное – он воевал, защитил нашу Родину. Не про каждого после смерти можно такое сказать, некоторые, прямо скажем, напрасно топчут нашу землю.

После поминок подошла Лена, соседка по подъезду. Она сказала, что вечером неплохо было бы накрыть стол для тех, кто из-за работы не смогли прийти на похороны, но хотели помянуть Александра Черных. Она, Лена, в свою очередь, готова помочь прибраться и что-то приготовить.

Алёна подумала, что одной ей находиться будет тяжёло,

а так она побудет с людьми, которые ей сочувствуют и хотят почтить память отца. Поэтому она нашла предложение соседки очень разумным. Это было как раз то, что нужно. Женщина почувствовала в Лене доброго и отзывчивого человека и душой потянулась к ней. Было такое ощущение, что они давно друг друга знают. Соседка рассказала, что обратила внимание на Алёну, когда та приезжала к отцу, ведь она такая яркая и запоминающаяся. С Александром Васильевичем Лена много лет проживала в одном подъезде, общалась мало и практически ничего не знала про его жизнь. Художник Черных был очень замкнутый человек и общение с соседями ограничивалось вежливым – «здравствуйте».

Только недавно Лене случайно удалось побывать в гостях у отца Алёны. Александр Васильевич прочёл ей лекцию про искусство, показывал свои книги и картины и очень впечатлил женщину. Еще был случай несколько лет назад, соседи по подъезду решили встретить Новый год, собравшись все вместе в одной из квартир. Александра Васильевича тоже пригласили, он спустился со своего четвертого этажа, сидел немного за столом. Потом все по стопочке выпили, и он сразу же ушёл к себе, стесняясь признаться, что ему от небольшого количества спиртного стало плохо.

Болтая, как лучшие подружки, женщины зашли в магазин, чтобы купить продуктов для поминок. Алёна почувствовала себя богатой – белорусские продукты гораздо дешевле российских, поэтому купили всё, что захотели – водки, колба-

сы, сыра, селедки, картошки, конфет... Заплатив смехотворную с точки зрения Алёны сумму, новоявленные подружки отправились домой. Дел было невпроворот, нужно навести минимальный порядок, всё приготовить, потому что соседи собирались прийти к 6 вечера. Алёну эти хлопоты отвлекали от тяжёлых мыслей, поэтому она была даже рада.

Женщинам пришлось повозиться, прежде чем они смогли открыть дверь, ключ не хотел поворачиваться, замок заедал. Лена рассказала, что недели две назад Александр Васильевич тоже не смог открыть квартиру, и ему пришлось обратиться за помощью к соседу Лосеву. После этого замок немного отрегулировали, и вроде он стал нормально закрываться. Про эти неприятности Лене рассказал сам Лосев на поминках.

С трудом открыв дверь и попав, наконец, в квартиру, женщины решили быстренько прибраться. Лена свернула постельное бельё, лежащее на диване в гостиной, забрала также и полосатую пижаму и унесла в соседнюю комнату. Алёна убрала со стола всё лишнее и протерла его. Потом Лена решила почистить картошку, а Алёна сказала, что вымоет полы в квартире, так как было очень грязно и натоптано.

Соседка ходила к себе за большой кастрюлей, так как народу собиралось прийти много. Алёна же ползала по квартире с тряпкой, пытаясь отдраить пол. Работа была в разгаре, когда в дверь раздался звонок. «Странно, – подумала Алёна, – ещё только 5 часов, слишком рано для приглашенных

гостей». Открыв дверь, она увидела молодого паренька выше среднего роста в чёрной кожаной куртке, джинсах и кроссовках, ничем не примечательного. Скорее всего – студент.

– Александр Васильевич умер? – спросил молодой человек тихим вежливым голосом.

Он стоял на пороге квартиры напротив Алёны, и женщина хорошо его рассмотрела. У парня были темные волнистые волосы и маленькие глубоко посаженные глаза с очень длинными загнутыми ресницами. Свежий румянец говорил о молодом возрасте.

– Я обучался у него в изостудии, – продолжал гость.

Алёна обрадовалась пареньку. Как хорошо, что нашлись таки студенты, которые вспомнили добрым словом своего преподавателя и пришли выразить дочери соболезнование! Как это правильно и по-человечески! А то в кафе на поминках собрались, в основном, коллеги по работе и пожилые знакомые отца. А ведь он много лет обучал молодежь.

Молодой человек сразу же расположил к себе Алёну. Он с интересом расспрашивал, как умер Александр Васильевич, где его похоронили. Вкратце рассказав, что было известно про обстоятельства смерти, Алёна вдруг вспомнила про украденные у отца медали и бездушный отказ участкового расследовать это циничное преступление. Со всей энергией возмущенного холерика она обрушила на голову бедного парня рассказ про человеческую неблагодарность, равнодушие милиции к людям, у которых рука поднялась на свя-

тое – медали фронтовика, полученные за то, что он рисковал жизнью, защищая таких вот потомков.

Высказавшись и облегчив душу, Алёна подумала, что студент разговаривает с ней уже довольно долго, соболезнование свои он высказал, все темы исчерпаны и, казалось, неожиданный посетитель мог бы уже идти дальше по своим делам, ей ещё надо вымыть полы во всей квартире. Но парень топтался на месте, мялся и никуда не уходил. «Что ему в конце концов надо, – начала раздражаться Алёна, – стоит и молчит. Почему он не уходит?». Молодой человек вдруг сказал:

– А почему мы стоим на пороге? Можно я войду в квартиру?

– Ну войдите, – сказала Алёна, которой посетитель всё меньше нравился, но отказать было как-то неудобно.

Из кухни слышался звук текущей воды – Лена чистила картошку. Парень вошёл в квартиру и от внешнего спокойствия не осталось и следа. Он неожиданно встрепенулся, зрачки глаз расширились, взгляд забегал – сначала парень быстро зыркнул в открытую дверь гостиной, а потом в мастерскую. Правда, из прихожей мало что можно было увидеть. Шум воды из кухни прекратился, видимо, Лена, поняв, что визит странным образом затягивается, начала прислушиваться. Теперь студент стоял совсем близко от Алёны и смотрел на неё холодным немигающим взглядом. У Алёны от этого неприятного оценивающего взгляда пошёл холодок

по спине. Еще немного помолчав, он сказал:

– Вы не могли бы подарить нашей секции альпинизма какую-нибудь его работу из серии “Горы”. Он нам обещал.

Алёна рассердилась. Только ленивый не попросил ещё в дар картину отца – и половина соседей, и коллеги по работе, даже представитель союза архитекторов, все они нашли время сообщить, что ещё при жизни Александр Васильевич обещал им подарить по картине, и вот не успел – умер. И это при том, что художнику всегда было жалко не то что дарить, но даже и продавать свои произведения. Именно поэтому картинами была уставлена вся мастерская. И почему Алёна должна всем встречным и поперечным раздавать работы отца, у неё что, на лбу написано, что она дура? Странное оцепенение слетело с женщины, она холодно ответила:

– Все картины отца будут на выставке в институте, а потом я решу, что и кому подарить. А теперь я вынуждена с Вами попрощаться. Извините, много дел.

Молодой человек нехотя вышел. Несмотря на детские загнутые ресницы и румяные щеки, от парня веяло ледяным холодом. Можно было подумать, что его гложет какая-то проблема. К сожалению, напившаяся валерьянки Алёна была в сильно заторможенном состоянии и не могла делать какие-либо выводы. Она только фиксировала ситуацию совершенно отстраненно.

Едва за гостем закрылась дверь, из кухни выскочила встревоженная Лена, вытирая руки о кухонное полотенце.

– Кто он такой? Что ему надо? Минут 40 стоял, наверное. Я уже стала нервничать!

– Картину он просил отца в подарок, – произнесла Алёна. Потом подумала и медленно сказала:

– Дай бог, если ему действительно нужна была именно картина.

В душе что-то шевельнулось и неприятно закололо. Но Алёна отмахнулась от этого чувства, надо было срочно домыть пол, много времени было потеряно из-за неожиданного визита, люди должны были вот-вот прийти. В голове между тем крутилась мысль: «Не успел папа умереть, как тут начали отираться какие-то скользкие типы».

Несмотря на непредвиденную задержку, Лена и Алёна блестяще подготовились к приёму гостей. Они выдраили пол, посуду, прибрались в комнате, сделали бутерброды, нарезали сыра, колбасы, сварили картошку.

Пришло довольно много народу. Но только единицы не были на похоронах и поминках в кафе. Первым появился Гоша, муж Лены, с виду – законченный алкоголик. «А Лена то, оказывается, замужем, – удивилась Алёна, я почему-то думала, что она одинока. И возможно, что у неё с папой роман. Она, конечно, сильно моложе отца, но чего только не бывает в этой жизни. Видимо, я ошиблась».

Появились также соседи по площадке, Лосевы, у которых Алёна ночевала, и соседка из квартиры напротив – Марина, вместе с мужем, высоким крупным мужчиной. Несколько

человек посетили мероприятие с явным желанием выпить. Еще одна приятная пожилая супружеская пара, которая пришла почтить память Александра Черных, жила на площадке рядом с Леной. Они также присутствовали на похоронах. Была также соседка, которая проживала непосредственно под квартирой отца и слышала шум в ночь, когда предположительно умер Александр Черных. Алёна всех встречала радушно. Гораздо лучше побыть с людьми, чем горевать в одиночестве. К тому же это хорошая возможность ещё раз поговорить об отце с его соседями, людьми, которые последние годы жили бок о бок с ним.

После того как выпили за упокой Александра Васильевича и немного перекусили, так как многие пришли сразу с работы, соседи разговорились. Первой разговор начала Лосева. Антонина Ивановна и её муж наиболее близко общались с отцом Алёны. Соседи ещё раз довольно подробно рассказали, как они заподозрили, что Александра Васильевича нет в живых, кто были понятые, что говорили следователь и милиция.

В этот момент в коридоре зазвонил телефон. Алёна взяла трубку. Мужчина, представившийся преподавателем, выразил стандартное в таком случае соболезнование. Он сказал, что Алёна молодец, приехала на похороны и взяла все хлопоты на себя. Женщину такое мнение, не единожды уже высказанное разными людьми, крайне оскорбляло. Разве не естественно, что она, единственная дочь, приехала. Если не

она, тогда кто? Мужчина продолжил:

– Вы тут одна, в чужом городе. Не знаете местных порядков, у Вас здесь нет друзей и родственников и, если что случится, помочь некому. Будьте очень осторожны!

Понимая, что коллега отца говорит это из лучших побуждений, Алёна про себя подумала: «Почему я должна быть осторожна? Не в лесу же я. Вокруг люди и они доброжелательны. Чего же мне бояться? У папы не было бриллиантов и антиквариата. Наследство, которое то ли есть, то ли нет – маленькая двухкомнатная квартира». Вслух женщина вежливо поблагодарила доброжелателя. Перед глазами неожиданно всплыл недавно приходивший папин молодой и симпатичный ученик с его холодным, странно застывшим взглядом. Сердце неприятно сжалось, на душе стало нехорошо и тревожно.

За столом Лена как раз рассказывала про визитера, который ей не понравился. Про этого студента вспомнил и Иван Лосев, сосед, который очень любил сидеть на лавочке перед подъездом со своим любимым рыжим псом Тяпочкой и женой, Антониной Ивановной. Дедок, несмотря на кажущуюся подслеповатость, всё отлично видел, слышал, а главное – запоминал. Иван Валерьевич сказал, что видел (в глазок), как этот студент приходил ещё раз сегодня, звонил в квартиру, но не застал никого дома и ушёл.

Более того, несколькими днями раньше Лосев также видел этого парня, который крутился во дворе без дела. Лена

бросила многозначительный взгляд на Алёну, но та была уже не в состоянии вынести всё одновременно – и похороны и все странные нюансы, на которые в обычной жизни, конечно, обратила бы внимание.

Гости разошлись довольно поздно. Лосева опять стала настойчиво приглашать к себе Алёну переночевать, пугая духами умерших, но женщина отказалась, не желая кого-то обременять. Лена взяла на себя мытьё посуды. Когда все разошлись, ей удалось уговорить Алёну пойти к себе в гости, а завтра соседка обещала помочь разобрать отцовские бумаги. С наступлением позднего вечера женщина опять почувствовала себя в отцовской квартире крайне некомфортно и была благодарна за предложенную помощь. В квартиру Лены они пришли поздно, уже за полночь. Это была скромно обставленная, чистенькая двухкомнатная квартира. Лена постелила в гостиной на диване и Алёна, измученная тяжёлым днём, уснула почти мгновенно.

Утро было хмурое и пасмурное. Алёна проснулась довольно рано, сказывалась четырёхчасовая разница во времени. Странно, но едва открыв глаза, женщина почувствовала непонятно откуда взявшееся сильное беспокойство и какую-то давящую тяжесть, ощутимо напоминающую придавившую сверху плиту.

« Не понимаю, откуда такая тревожность, – размышляла Алёна. – Папу вчера похоронили, самые тяжёлые моменты позади, а такое впечатление, что мне ещё хуже, чем вчера.

Никакого ощутимого облегчения».

Лена рано встала и уже хлопотала на кухне. Она встретила гостью своей мягкой доброй улыбкой. Гоша, муж Лены, с утра уехал в деревню навестить мать. Лена напекла горку оладушек и заварила свежий чай. Кофе, разумеется, не было, с чем Алёна уже смирилась. Женщине пришло в голову ещё раз съездить на кладбище. Она хотела побыть одна на могилке отца. Возможно, тревожность тогда немного развеется, и тяжесть на душе уйдет. Вчера было слишком много всякого народа, суеты, шума... Лена уговаривала этого не делать – не ехать одной на кладбище. Потом предлагала поехать вместе. Но если Алёна что-то вбила себе в голову, то её было не остановить. Женщина села на автобус, самостоятельно добралась до кладбища и довольно легко нашла могилку отца на самом краю воинского сектора.

От переполнявших её чувств Алёна заплакала. Странное зрелище представляла собой одинокая хрупкая фигурка женщины, которая несколько часов сидела на лавочке под кипарисом напротив могилы, украшенной свежими венками. На кладбище никого больше не было, дул холодный февральский ветер, серые тучи затянули небо, начинал накрапывать дождь, перемежающийся с мокрым снегом. Тяжелые мысли одолевали Алёну. Вот и закончился земной путь человека. Здесь покоится старый солдат, он же художник, он же преподаватель. Он же и отец Алёны. Да только жизни их почти не пересекались. Но гены же никуда не делись, Алёна

даже внешне очень похожа на отца. Вот теперь его приехала похоронить, но толком никогда не знала. Только очень смутные детские воспоминания, да короткие встречи во взрослой жизни. Думал ли он когда-нибудь об Алёне, любил ли её?

Между тем вдруг появился настойчивый посыл, что нужно немедленно покинуть Брест. Алёне пришла в голову дикая мысль, что это отец почему-то хочет, чтобы она вернулась домой. Может, он остался чем-то недоволен и его дух хочет, чтобы она уехала отсюда? Что вообще происходит с человеком после смерти? Говорят, что его душа 40 дней ещё находится на земле и видит все, что происходит. Алёна про себя подумала, что она никак не может сейчас всё бросить и уехать. Это просто невозможно.

Неясно, как оформлена квартира, она приватизирована или нет. Если приватизирована, то нужно оформлять наследство. Алёна не знает, как это сделать, но она разберется. Если же квартира не приватизирована, тогда она отойдет государству, что, конечно же, было бы жалко. Но пока Алёна не видела никаких документов и никто ничего не знает, но все спрашивают про это наследство. Также нужно распорядиться вещами отца, забрать бумаги и фотографии, не выбрасывать же их на помойку. А ещё картины отца... Может, душа отца волнуется за эти произведения, ставшие итогом жизни, про которые художник Черных говорил, что картины – это его дети. «Я обещаю тебе, папа, – мысленно обратилась к покойному Алёна, – что всё сделаю, чтобы твои рабо-

ты продолжили жить. Я буду заботиться о твоём творческом наследии и ничего не выброшу на помойку. Ты не пожалеешь, что когда-то в далеком Новосибирске у тебя родилась дочь. Я пока не знаю, что с этими живописными работами делать, но ничего, разберусь, не боги горшки обжигают». А сейчас придётся, наверное, упаковать картины и отправить в Новосибирск. На всё это уйдет время. Нет, разумеется, Алёна не может всё бросить и уехать. Хотя она соскучилась по мужу и с удовольствием бы вернулась домой. Надо, кстати, позвонить Максиму, он, наверное, волнуется. Алёна обещала держать его в курсе всех дел.

На обратном пути Алёна, наконец, обратила внимание на окружающую среду. Кладбище в Бресте оказалось достаточно ухоженным, содержалось в идеальном состоянии. Было модно украшать могилы большим количеством разнообразных искусственных цветов. На окраине погоста росла рошица из вечнозеленых туй, которые смотрелись довольно печально. За рошицей виднелись коттеджи, выходящие окнами на кладбище. Алёна подумала, как должно быть ужасно жить в таком уютном двухэтажном доме с цветником и фруктовым садом и видеть каждый день похороны! Или обитателей коттеджей это совершенно не волнует?

Однако, погода становилась всё хуже, чувствовалась промозглая сырость, и ещё дул пронизывающий ветер. Вокруг были небольшие сугробы из мокрого осевшего грязного света. Продрогнув окончательно, Алёна, наконец, покинула

кладбище.

У неё была теперь одна навязчивая мысль – выпить кофе. Выйдя из автобуса в центре города, женщина нашла кафе, которое ей сразу приглянулось. Внешне стилизованное под охотничий домик, внутри оно было оформлено в средневековом стиле. Вместо окна – красивый витраж из цветного стекла, столь популярный в Бресте, деревянные столы и лавки, украшенные резьбой. В нос ударил запах свежемолотого кофе. У Алёны даже затряслись руки, когда она отсчитывала белорусские зайчики за две чашки любимого напитка. Было представлено в меню ещё много разных пирожных и тортиков, но в настоящий момент это не было актуально. Наконец-то Алёна выпила хороший кофе и сразу же почувствовала прилив бодрости и подъем настроения. Вздохнув с облегчением, женщина отправилась обратно. Она с Леной сегодня намеревалась искать документы на квартиру, а это в условиях жуткого беспорядка, царившего в квартире отца, было всё равно, что разгребать Авдиевы конюшни.

На лавочке у подъезда, рядом да ладком, сидели трогательные милые старички – супруги Лосевы. Под скамейкой, свернувшись клубочком, лежала рыжая собачка Тяпочка, которую вывели на прогулку. Антонина Ивановна, увидев Алёну, радостно заулыбалась:

– Мы тебя вчера вечером ждали. Почему ты не пришла к нам ночевать?

– Долго убиралась вчера после гостей, мыла посуду. А по-

том уже поздно было идти, вы, наверное, уже спали. Лена мне помогала, она предложила переночевать у неё.

– Леночка – это просто ангел, всегда готовый прийти на помощь. Она медсестрой работает, так и укол сделает, и в аптеку сбегает, и давление померяет, никогда не откажет, – сказала Антонина Ивановна.

– Ты нашла документы на квартиру? – спросил Лосев. – Папа твой сам мне говорил, что приватизировал жилье. Я его спросил, что он думает делать с квартирой, а то мало ли что, ведь уже не молод и дочка есть. А он мне ответил, что давно уже приватизировал свою недвижимость. Так что не беспокойся, всё тебе достанется. А что касается того молодого человека, что вчера приходил, то я...

Неожиданно Лосева толкнула мужа локтем в бок, и тот замолчал.

На кухне у Лены сидела ещё одна пожилая соседка, Нина Петровна. На столе стояли две чашки с недопитым чаем и вазочка с сухарями.

– Мы так волновались, – запричитала Нина Петровна, – Ты ушла ещё утром на кладбище, да к тому же одна, а скоро уже два часа! Где ты так долго ходила?

– Просто хотелось побыть одной, проститься с отцом. Вчера на похоронах было столько народу!

Лена предложила пообедать. Специально к приходу гостыи она сварила кастрюлю борща. Нина Петровна поинтересовалась, что теперь собирается делать Алёна. Ведь нужно

распорядиться наследством, а это и квартира и картины, всякие семейные фотографии и документы, личные вещи отца. Нельзя же всё это бросить просто так.

– Нужно сначала хотя бы узнать, чья теперь эта квартира, – сказала Лена, разливая борщ по тарелкам. – После обеда мы с Алёной пойдем туда и попробуем разобрать оставшиеся после Александра Васильевича документы.

Пообедав, женщины поднялись на четвертый этаж, в квартиру Алёниного папы и твердо решили навести там порядок. Задача выглядела не из легких, так как жилище было сильно захламлено всякими вещами. Начать решили с кухни, как с наиболее маленького помещения, всего-то около 5 квадратных метров. Лена предложила сначала проверить, не осталось ли в карманах одежды или в кошельке каких-нибудь денег, их можно было бы использовать для текущей покупки продуктов. Вот, например, на холодильники лежит немного зайчиков, на них можно купить почти килограмм колбасы. Лена убрала деньги и протерла холодильник, на котором скопился слой пыли.

На кухонном серванте валялся старый дырявый кошелёк с мелкими монетами внутри. На столе располагалась коробка, в ней стопкой лежали письма и открытки, в том числе несколько старых писем Алёны, рядом же находились и очки. Лена заглянула даже в духовку газовой плиты, но там хранились скороварка и несколько облезлых сковородок. В кухонном сервантике в нижней части были расставлены раз-

номастные чашки и тарелки. На верхних полках стояли книги военной тематики в небольшом количестве и лежали разные бумаги, на первый взгляд не представляющие особого интереса. Записные книжки, которые Алёна решила обязательно просмотреть. Медицинские справки, рецепты, бумажки с текущими записями. Обращали на себя внимание несколько фотографий ещё военного времени.

– Смотри, какой молодой и красивый был твой отец, – сказала Лена, любуясь фото мужчины в военной форме. И главное, как же ты на него похожа!

Алёна рассмотрела снимок, датированный 1943 годом. Высокий лоб, благородные черты лица, интеллигентный вид. Откуда всё это в деревенском пареньке, призванном на фронт с волжского села? Это потом, после войны, он поступит в Ленинградское Мухинское училище, будет читать книги по искусству и ходить по музеям и выставкам. Много раз Алёна слышала от бабушки, что похожа на отца, говорилось это с оттенком осуждения. Алёна уже смирилась, что по мнению ныне покойной бабушки, мать у неё красавица, а она так себе, в отца, ничего не подделаешь. Но с тех пор многое изменилось, изменилось и мнение Алёны на этот счет.

На той же полочке она увидела стопочку удостоверений к медалям и письмо от участкового об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с пропажей воинских наград. Алёна пришла от этого письма в ярость. Лена тоже была в курсе этой истории.

– Бедный Александр Васильевич, – вздохнула женщина. – Он всегда надевал эти медали, когда ходил 9 мая в институт на встречу с ветеранами. У кого только подлости хватило снять медали с пожилого человека, да ещё 9 мая! А милиция тоже хороша, ничего не захотела делать, чтобы вернуть награды. Сейчас ничего святого нет!

Алёна этого тоже не могла понять, ещё со школы ей внушили уважение к подвигу участников войны. Если подумать – это ужасно, война, окопы, кровь! Сколько не вернулось с фронта... А те, кто чудом выжил, заслуживают, безусловно, большого уважения и заботы. Но только для некоторых человеческие законы не писаны.

Тем временем Лена не теряла времени даром. Она взяла табуретку, встала на неё и заглянула на антресоль. Но антресоль была совершенно пуста. Отцу, вероятно, было трудно туда залезть, поэтому он там ничего и не хранил. Так где же документы? Женщины переместились в гостиную, где их внимание привлекла тумба под телевизором. Лена сортировала бумаги: диплом об окончании института, диссертация, ещё диплом. Удостоверение, фотографии с разных поездок и выставок. Алёна, наблюдавшая как статист, за действиями энергичной Лены, принялась за ознакомление с содержимым книжного шкафа.

Время шло, уже начало темнеть.

Женщины перешли в спальню. Они детально просмотрели бумаги, которые там нашли, заглянули и в шифоньер и в

письменный стол. Лена даже изучила содержимое шкафа для одежды в прихожей. После чего женщины, недоуменно переглянувшись, вернулись в гостиную и в изнеможении опустились на диван. Лена с безразличным видом принялась просматривать альбом с репродукциями Рериха, который лежал на столе. Алёна глубоко задумалась. Во всей захлавленной, но маленькой квартире не осталось таких мест, куда бы они с Леной не заглянули. Приходилось констатировать факт – документов на недвижимость нигде нет, так же как и завещания. Мог ли пожилой человек унести зачем-то из дома эти столь важные бумаги и потерять их? Скорее всего нет, зная с какой ответственностью это поколение относится к таким вещам. Ведь это его право на жилье.

В свете всего этого смерть отца начала казаться Алёне всё более подозрительной. Странное исчезновение документов могло говорить о желании неизвестных лиц завладеть недвижимостью одинокого пожилого человека. В России про такие дела постоянно говорят по телевизору. Мысли завертелись с бешеной скоростью. Отец за несколько дней до смерти не мог открыть дверь, что-то случилось с замком. Об этом рассказал сосед Лосев. Да и у Алёны были проблемы, она с трудом открывала квартиру. Возможно, посторонние лица осуществляли некие манипуляции с замком. Вероятно могли сделать дубликат ключа или подобрать отмычку и ночью потихоньку проникнуть в дом.

А может быть, неизвестные преступники залезли через

балкон, ведь соседи говорят, что он был открыт и именно таким образом внутрь проникли пожарные, поэтому не стали выламывать дверь в квартиру. Папа, видите ли, закалялся, считал, что на четвертом этаже безопасно. Хотя судя по всему, отец ничего не опасался и не предпринимал никаких мер предосторожности. Да и чего можно бояться в тихом и спокойном Бресте?

Тем не менее события в день предполагаемой смерти, наверное, приняли трагический оборот. Соседка снизу слышала ночью шум, как будто что-то упало, а потом стоны. Предположим, неизвестные злоумышленники ночью открыли дверь дубликатом ключа, вошли в квартиру. Отец пытался сопротивляться, но силы, разумеется, были не равны, поэтому всё быстро стихло. Они украли документы, а свет оставили включенным, чтобы соседи быстрее забеспокоились. И этот парень, который приходил после похорон... Он всё выспрашивал, высматривал. Как изменилось его лицо, когда он вошёл в квартиру! У него был такой взгляд, будто он вспомнил что-то ужасное, что здесь произошло.

Эти соображения пронеслись в голове Алёны мгновенно, как пули у виска. Женщину будто током ударило – отца убили! В мгновение ока всё сложилось как пазл – различные странности, подозрения. У Алёны в глазах стояла какая-то кровавая пелена, а коленки тряслись от ужаса. Вдруг перед глазами возникла картина, которую видят, наверное, экстрасенсы. Она внезапно увидела, как осталась сегодня в квар-

тире, но ночью дверь тихо открылась, и в комнату, крадучись, зашли трое мужчин. Один из них – тот студент, который приходил в день похорон. Двоих Алёна никогда не видела и их лица как будто просто белые, с неясными чертами, но она даже могла рассмотреть во что незваные гости одеты. Понятно было, что ничего хорошего от этих ночных визитеров ждать не приходится.

Алёну пронзила мысль – бежать надо из этой страшной квартиры и ни в коем случае не оставаться здесь на ночь. Она покосилась на Лену, которая медленно перелистывала альбом Рериха, но на самом деле о чём-то думала, нахмутив лоб. В комнате уже совсем стемнело, и Алёне стало жутко. Как сказать о своих страшных подозрениях Лене и не напугать её?

– Документов на квартиру нигде нет, – ровным голосом произнесла Лена, не глядя на Алёну. – Мы посмотрели везде, где только можно и сомнений в этом нет. Странно, куда они могли... исчезнуть. Там ведь целая папка – договор на приватизацию, техпаспорт, домовая книга. А тебе не кажется, что твоего отца из-за этого убили?

– Я про это только что думала, но боялась тебе сказать, чтобы не напугать, – призналась Алёна.

– Я уже целый час про это думаю, но тоже боюсь тебя напугать, – сказала Лена. – Я считаю, что тебе не стоит оставаться в этой квартире. Пойдем ко мне ночевать. Вдруг здесь, и правда, произошло убийство. Вечером в этой комна-

те почему-то особенно ужасно себя чувствуешь. А Джоконда выглядит просто зловеще!

Женщины вышли из квартиры и спустились на 3 этаж, к Лене. В подъезде светили тусклые лампочки, стояла тишина и не было ни души. В гостиной на диване в задумчивости сидел Гоша, муж Лены, в привычном для себя состоянии алкогольного опьянения. Лена при госте не стала устраивать разборки, хотя было видно, что она недовольна. Гоша смоллил папиросу, отряхивая пепел мимо пепельницы.

– Со смертью твоего отца не всё чисто, Алёна, – провозгласил Гоша слегка заплетающимся языком. – Я был понятым, когда милиция вскрывала квартиру. Явных следов вроде нет, но всё разбросано, как будто что-то искали.

Алёна обменялась с Леной многозначительным взглядом. Однако Гоша отнюдь не дурак, хотя и пьяница. Женщины уединились в маленькой комнате и принялись живо обсуждать сложившуюся ситуацию.

– Мне сразу не понравился тот парень, который приходил перед поминками, – призналась Лена, – уж очень он долго не уходил. Явно что-то надо было. Вот только что?

– Я запуталась и не знаю, что думать, – призналась Алёна, чувствуя, что как всегда во время стресса начинает тупо соображать. – Если предположить, что папу убили, то на кого оформлена квартира? Может, она уже продана. Или скоро придёт некто с поддельным завещанием, и я должна буду что-то доказывать убийце отца?

– Сейчас уже никто не сунется, – убежденно сказала Лена, – раз ты, его дочка, приехала, они уже побоятся засветиться. Вот если бы ты не приехала, тогда возможно...

Алёна в глубине души была далеко не так уверена, что неожиданный наследник побоится объявиться. Вслух она сказала:

– Если квартира оформлена на кого-то постороннего, то можно утверждать, что-либо это он убил папу, либо его сообщники. Завтра я с утра пойду к нотариусу и узнаю, нет ли завещания.

– А вдруг они, эти неизвестные, сегодня ночью придут в квартиру? – спросила Лена. – Судя по всему, у них есть ключ.

– Документы! – воскликнула Алёна. – Там, в квартире, в моей дорожной сумке все документы – свидетельство о рождении, паспорт. Если украдут, то мне придётся долго их восстанавливать.

– Так пойдем сейчас же и заберём сумку, – воскликнула Лена. – Пойду, позову Гошу, пусть с нами ходит, а то уже полночь.

Гоша был ещё в состоянии сопроводить дам.

– Бойтесь не мертвых, бойтесь живых, – философски изрек он.

«Ну какой же молодец, – подумала Алёна, – правильно говоришь, именно живых мы и опасаемся».

В сопровождении Гоши женщины опять прошествова-

ли на четвертый этаж и забрали таки сумку. Подъезд мирно спал, ничего не подозревая об этих перемещениях. Из-за ужасных подозрений, обрушившихся внезапно на Алёну, она долго не могла сомкнуть глаз. Тяжелые мысли терзали женщину. Почему всё это случилось именно с её отцом, таким мирным человеком, которого всегда интересовало только искусство? Он никогда не участвовал в каких-то конфликтах и всячески избегал проблем и неприятностей. Неужели из-за двухкомнатной хрущобы можно вот так за просто убить человека?

Но не так уж и запросто. Если Алёнины предположения верны, то преступники готовились заранее, всё продумали, подобрали ключ. Зачем они его убили? Не знали, что у него есть дочь, которая приедет и унаследует квартиру. Вероятно, на подобное развитие событий злоумышленники не рассчитывали, это оказалось для них полной неожиданностью. Но соседи по подъезду знали, что у Александра Васильевича в далекой Сибири есть дочь. Знали об этом и на кафедре.

Следовательно, преступники не из ближнего круга знакомых. Они, видимо, наблюдали за Александром Васильевичем и решили, что он одинок. Это и поставило его под удар. Для чего злоумышленники похитили документы? Нужно завтра же сходить в домоуправление и всё узнать, на кого оформлена квартира. Должны же быть какие-то дубликаты. А может, было подделано завещание и скоро объявится наследник? Лена говорит, что теперь, когда Алёна свалилась,

как снег на голову, преступники побоятся объявиться. Или не побоятся?

Утром угрюмая и невыспавшаяся Алёна направилась в домоуправление, чтобы узнать, как обстоят дела. Во дворе её неожиданно догнала пожилая женщина, сказавшая, что живет в соседнем подъезде. С нескрываемым любопытством она спросила:

– Вы дочка Александра Васильевича? А что вы собираетесь делать с квартирой?

«Какое неуместное любопытство, – с раздражением подумала Алёна. – Хотя бы ради приличия выразила сначала соболезнования, всё-таки отец умер. Но она сразу же берет быка за рога, что называется. А может, её кто-то подослал, чтобы выспросить о моих планах?».

Осторожно, взвешивая слова, Алёна ответила:

– Я ещё не решила. Наверное, буду менять квартиру на Новосибирск. Или, возможно, перееду в Брест.

Алёна решила ввести в заблуждение любопытную соседку. Та ещё хотела о чём то спросить, но женщина ускорила шаг, быстро оторвалась и направилась по своим делам.

В домоуправлении сказали, что да, квартира по адресу, указанному Алёной числится за Черных Александром Васильевичем, он там один прописан, к тому же квартира приватизирована. Другими сведениями домоуправление не обладает. Алёне предложили обратиться к нотариусу в администрацию района, там должны быть дубликаты документов

приватизированных квартир, раз Алёна утверждает, что документы исчезли. К тому же у нотариуса можно будет узнать, есть ли завещание. Напоследок начальник домоуправления, немолодой усталого вида мужчина, сказал:

– Немедленно смените замок в квартире.

Алёна, у которой и так дел было невпроворот, попыталась отмахнуться от подобного совета. Мужчина нахмурился и повысил голос:

– Я Вам ещё раз говорю – смените замок!

Посещение нотариуса привело Алёну в полный шок. На её вопросы и просьбы представитель закона отвечала категорическим отказом.

– У меня умер отец, – запинаясь, сказала Алёна, – вот мои документы. Я хочу узнать, приватизирована ли его квартира.

– Мы не выдаем такие сведения, – обдав ледяным взглядом посетительницу, сказала нотариус, молодая девица с пышным блондинистым хвостом, колючими голубыми глазами, длинным носом и узкими губами.

Алёна впала в ступор, судорожно соображая, как же узнать-то приватизирована ли квартира. И что теперь делать?

– Это дело криминальное, – попыталась вызвать какое-то сочувствие Алёна, – у отца из квартиры пропали документы.

– По поводу криминальных дел обращайтесь в милицию, – недоброжелательно глядя на посетительницу, процедила сквозь зубы девица.

Во взгляде её явственно читался вопрос: «Ну что тебе ещё надо? Уходи уже!». Алёна сделала ещё одну попытку:

– А может быть, отец оставил завещание. Можно ли у Вас узнать?

– Это тайна, – отрезала негибаемая девица.

– От кого тайна? – возмутилась Алёна, – Мой отец умер, а я наследница. Вот ведь документы!

– Ах, наследство, – встrepенулась нотариус. – По поводу наследства обращайтесь на улицу Русская, дом 4.

Девица явно с облегчением вздохнула, наконец найдя повод избавиться от Алёны.

«Какая-то мутная особа, – подумала Алёна, – даром, что нотариус!». Выйдя из кабинета, она мельком взглянула на фамилию нотариуса, написанную на табличке. «Касьяник... Касьяник... Где-то я уже слышала эту фамилию», – промелькнуло в голове Алёны. Но она так и не смогла вспомнить.

Обратившись в нотариальную контору на улице Русской, она уже не ожидала услышать ничего хорошего. К большому удивлению, пожилая нотариус приняла её как мать родная. Алёна встретила полное сочувствие и понимание. Женщина пожаловалась, что после смерти отца исчезли документы на квартиру, и она подозревает, что их украли злоумышленники. Нотариус ответила, что всё возможно, поэтому нужно получить дубликаты документов у районного нотариуса. Алёна возмутилась:

– Но она мне даже не говорит, приватизирована ли вообще квартира и есть ли завещание.

Нотариус понимающе кивнула и сказала, что нужно написать заявление на открытие наследства. Алёна достала свидетельство о смерти отца, своё свидетельство о рождении и паспорт. Нотариус сказала, что ещё нужно свидетельство о браке, раз Алёна вышла замуж и сменила фамилию. Свидетельство о браке осталось в Новосибирске, и женщина опять расстроилась в ожидании очередного отказа. Но нотариус сказала, что это ничего, можно потом привезти.

– Через полгода Вы вступите в наследство, к этому времени и принесете свидетельство о браке. Если за это время не объявятся другие кандидаты, Вы станете владелицей квартиры и сможете распоряжаться ей по своему усмотрению.

– А если отыщется ещё какой-то наследник? – с ужасом поинтересовалась Алёна.

– Будьте, пожалуйста, осторожны. Сейчас много всякого криминала, тем более, если пропали документы на квартиру. Обратитесь лучше в милицию. Я, кстати, сделала отметку на вашем деле об открытии наследства, если ещё кто-то обратится, будем очень внимательно проверять документы на предмет подлинности.

После выполнения всех формальностей нотариус напоследок выдала

немаловажную справочку, что она, Алёна, является наследницей своего отца и требуется выдать ей утраченные

дубликаты документов на квартиру. Справку нужно было отдать нотариусу по месту жительства.

Воодушевленная Алёна отправилась обратно в администрацию района. Белокурая девица подняла на неё глаза, в которых явственно читался вопрос: «Ну, что тебе ещё тут надо?». Алёна молча положила справку на стол. Прочитав содержимое документа с большой круглой печатью, девица скривилась в подобии вежливой улыбки.

– Квартира-то приватизирована? – уточнила Алёна.

Нотариус подошла к одной из полок, нашла нужную папку и, посмотрев в неё, наконец, сообщила:

– Квартира приватизирована, дубликат документов будет готов через неделю.

– А можно узнать, есть ли завещание? – не унималась Алёна.

Девица тяжёло вздохнула, бросила недовольный взгляд на посетительницу, потом отправилась в соседнюю комнату. Через некоторое время она вышла и процедила сквозь зубы:

– Завещания нет.

«Право же, эта нотариус очень странная. Как будто она чем-то сильно недовольна. Да чего там недовольна, смотрит на меня как на врага. С чего бы это?», – размышляла Алёна по дороге назад. Информация, добытая можно сказать клещами, оказалась обнадеживающей. Во-первых, квартира, как и говорил Лосев, приватизирована, а следовательно, не отходит государству. Завещания нет, и это тоже хорошая но-

вость. Алёна, как дочь, является прямой наследницей и унаследует квартиру, просто предоставив документы, подтверждающие родство. А вот если преступники подделали завещание – это создало бы ужасные проблемы. Пришлось бы судиться, что-то доказывать, проводить какие-то экспертизы – никаких нервов не хватит. Алёна же и так держится только на успокоительных таблетках.

Но зачем же, всё-таки, украли документы на квартиру? Может быть, хотели продать жильё по поддельной доверенности. Или где-то изготовлено и ждёт своего часа поддельное завещание, подписанное другим нотариусом. Да и дама по фамилии Касьяник, с которой Алёна только что общалась, какая-то очень неприятная особа. Так странно себя вела. Разве в силу своей профессии она не знает, что дочь является прямой наследницей своего отца? Алёна же принесла свидетельство о смерти отца, свои документы. Но нотариус всё равно отказывалась, как партизан, отвечать на самые элементарные вопросы. Самый главный вопрос: убили папу или это какое-то чудовищное стечение обстоятельств? Рана, нанесенная смертью родителя, была ещё свежа и обдумывать разные нюансы возможного преступления не было моральных сил.

Между тем уже наступило время обеда, аппетита совсем не было, но кофе выпить хотелось даже очень. Вспомнив про чудесное кафе в центре города, Алёна решила, что ничего страшного не случится, если она выпьет чашечку кофе, она

это сегодня заслужила. В конце концов, это придаст ей сил, они ей просто необходимы. Взяв чашечку свежесваренного кофе, Алёна позарилась также на кусок торта «Прага». Она решила, что из-за стресса лишние килограммы ей не страшны.

При других обстоятельствах Алёна после посещения кафе с удовольствием прошла бы по бульварам Бреста, довольно провинциального города, но очень милого, чистенького и зеленого. На улицах росли дубы, каштаны и даже сливы. Дома были аккуратно покрашены в зеленые, желтые и розовые цвета, жители выглядели спокойными и благодушными. Сложно представить, что в этом царстве тишины, сонного спокойствия и порядка могло произойти что-то ужасное.

Подумав немного, Алёна решила поехать на кафедру в институт и посоветоваться с коллегами отца. Тяжелые сомнения по поводу обстоятельств смерти папы морально придавили женщину, а ей и так было нелегко. Слава богу, что соседи по подъезду во всем помогают, а, главное, жалеют. Есть же ещё хорошие люди на свете! Кстати, нужно сегодня же позвонить мужу и всё рассказать. Она разговаривала с супругом только раз, сразу после похорон, но толком пообщаться не удалось, Алёна обещала перезвонить, но из-за обнаружившихся внезапно проблем этого не сделала. Будем надеяться, что муж поймет, сколько на неё всего внезапно свалилось.

Приехав в институт, Алёна встретила с заведующим кафедрой и подробно, стараясь взвешивать каждое слово, по-

ведала ему о своих сомнениях.

– Надо же, – воскликнула секретарша Полинка, тоже присутствовавшая при разговоре, – у нас такой спокойный город, ни одного дела по поводу убийств одиноких людей из-за квартир. Это у вас, в России, если смотреть телевизор, такое происходит сплошь и рядом, даже волосы дыбом встают.

– Всё когда-то бывает впервые, – сухо возразил заведующий, – если мы чего-то не знаем, это ещё не значит, что этого нет. Меня насторожило, что когда мы с Вашим отцом прощались на похоронах, многие заметили багровую полосу на его лбу. Мне один из преподавателей говорит: «Посмотри, Александр Васильевич, он же был избит!». Меня и самого эта багровая полоса сильно насторожила!

Алёна тоже вспомнила про этот неприятный момент. Когда отца вынесли из морга, она вскрикнула от изумления и в ужасе спросила, что это за красные пятна на лице. Но её успокоили, сказали, что это, должно быть, трупные пятна. Позже появилось предположение, что раз Александра Черных нашли лежащим лицом вниз, на пороге санузла, то, возможно, это следы от падения.

– Знаете что, – сказал заведующий, – у меня есть телефон следователя, который проводил проверку по поводу смерти Вашего папы. Сейчас мы ему позвоним, и Вы расскажете ему о всех предположениях.

Алёна обрадовалась. Наконец у неё появится возможность поделиться своими сомнениями с профессионалом,

тем более этот следователь уже разобрался с обстоятельствами смерти папы и, таким образом, должен быть в теме.

Выслушав подробный, хотя и сумбурный рассказ Алёны по поводу пропавших документов на квартиру, замка, который вдруг стал плохо открываться, шума, ночью услышанного соседкой, и прочих странностей, следователь мягким бархатным голосом неожиданно поинтересовался:

– А вы поддерживали отношения с отцом?

Похоже следователя заинтересовал только этот вопрос, остальное его не особо удивило.

Алёна сухо ответила:

– Имеются письма отца ко мне и мои письма к нему.

Вот так, чтобы ни у кого не появилось даже мысли представить дело, будто Александр Васильевич много лет не общался с дочерью. У Алёны имеется целая пачка теплых писем отца и последнее – за две недели до его смерти.

Следователь ответил:

– Вы должны пойти в прокуратуру, написать заявление. Мы всё проверим и сообщим о результатах.

В голосе следователя ни интереса, ни какого-то сочувствия. Алёне это только кажется или в интонации явно чувствуется издевка – пишите, пишите, мы, разумеется, рассматривать ничего не будем, не дождемся.

Полинка в утешение сказала, что у них такая милиция – ничего от неё не добьешься. Алёна почувствовала, что голова у неё просто раскалывается на куски. Она начала пони-

мать, что доказать что-то будет очень трудно. Заведующий утешил её, как мог. Он заверил женщину в своей полной поддержке и попросил держать в курсе дел.

Выйдя из института в глубокой задумчивости, Алёна решила немедленно позвонить мужу. Она зашла на почту и воспользовалась междугородным телефоном-автоматом, чтобы не заморачиваться дома всякими междугородними кодами и не оплачивать потом телефонные счета.

Муж был явно встревожен:

– Ты почему не звонишь? – возмутился он. – Похороны прошли в субботу, а сегодня уже понедельник. Мы с ума схожим от беспокойства. Как прошли похороны?

– Всё прошло нормально, – вяло сказала Алёна. – Были коллеги, соседи по подъезду. Военный оркестр играл на кладбище, солдаты стреляли в воздух – отдавали последние почести. Отца хоронили как участника войны. Но тут такое дело... – Алёна пересказала странные обстоятельства, с которыми ей пришлось столкнуться. – По любому, мне придётся задержаться. Нужно время для восстановления документов. Завтра я пойду в прокуратуру, напишу заявление. Сегодня я поговорила по телефону со следователем. Странно, но его заинтересовало только, поддерживала ли я с отцом отношения.

Максим пришёл от этой замечательной истории в ужас.

– Ты только, ради бога, не ходи по улицам, когда стемнеет. Ни в коем случае не оставайся одна в квартире отца.

Не удобно, конечно, но ночуй и дальше у соседей. Напиши заявление в прокуратуру. Получи дубликат документов на квартиру и немедленно вылетай домой. И ещё, держи меня в курсе дел, постоянно звони. Я очень беспокоюсь и очень скучаю!

Когда Алёна вышла на улицу, уже начало смеркаться, продолжительность дня зимой невелика. Женщина медленно брела по каштановой аллее.

Вдруг Алёна почувствовала какой-то необъяснимый ужас. Такое чувство опасности на подсознательном уровне, наверное, ощущает человек в джунглях, когда неподалеку находится хищный зверь. Даже волосы на затылке у Алёны, казалось, встали дыбом. Из-за стресса у женщины обострились все инстинкты, откуда-то появилось ощущение необъяснимого страха. До дома было несколько остановок, и Алёна хотела пройти их пешком, но вспомнив про совет мужа, влезла в набитый автобус. Было около 6 часов вечера, и люди ехали с работы.

Дома её ждала Лена, изнывающая от нетерпения. Соседка потребовала, чтобы Алёна рассказала всё, что узнала и как можно скорее. Выяснилось также, что появилась ещё одна проблема – Лена собирается на ночное дежурство в больницу, а Гоша напился до чёртиков, и оставлять с ним гостью не представляется возможным. Поэтому Алёну решено переселить к другим соседям – Нине Петровне и её мужу, Алексею Федоровичу. Они будут рады её видеть и с нетерпением

ем ожидают. В обычной жизни Алёна ни за что бы не стала обременять собой посторонних людей, даже таких милых и гостеприимных. Но интуитивно женщина чувствовала, что ночевать в квартире отца ей небезопасно.

Лена напекла горку румяных драников. Это замечательное национальное блюдо подавали во всех столовых и кафе Бреста. Отдельно хозяйка дома поджарила шкварки с луком.

– Хорошее сало Гоша привёз из деревни, – похвалила Лена, – только вот опять набрался. Сейчас, правда, спит, но кто его знает, что ему придёт в голову, когда проснется. Вдруг начнёт буйнить? Вот так живу с ним и мучаюсь, – вздохнула она, – Ты ешь, а то вон какая худенькая, не то, что я.

Хвалёная худоба Алёны была результатом кропотливого труда и всевозможных самоограничений, но она предпочла промолчать об этом. Может, и правда, попробовать этих замечательных драников со шкварками, после пережитых волнений вряд ли можно поправиться. Но кусок, что называется, не лез в горло. Рассказав вкратце про ситуацию с наследством, Алёна спросила:

– Ко мне во дворе подошла женщина, полная такая, в козыночке. Сказала, что из соседнего подъезда. Интересовалась, что я собираюсь делать с квартирой. Кто она такая?

– Скорее всего, это Кася. Она меня тоже уже спрашивала про тебя. Каким-то образом пронюхала, что мы с тобой общаемся. Но я ничего ей толком не сказала. Ты ведь даже не знала, приватизирована ли квартира. Слава богу, хоть

это прояснилось. Кася эта, между прочим, живет в соседнем подъезде, тоже на 4 этаже, через стенку от квартиры твоего отца. Может, она что слышала?

Сын у неё есть, он мне не нравится. Раньше занимался мелкой коммерцией, а сейчас – не знаю. Странный такой. Я его пару недель назад в нашем подъезде встретила. Я к Лосевым ходила укол делать, а он на площадке возле квартиры твоего отца стоял. Мне стало неприятно, и я его спросила: «А что Вы тут делаете?». А он мне в ответ грубо так: «Тебе вообще какое дело? Газом отсюда тянет к нам, вот и пришёл посмотреть в чём дело». А сам вниз пошёл и папиросу недокуренную бросил прямо на пол.

Лена засобиралась на ночное дежурство, и Алёну препроводили к новому месту жительства. Женщину передали в надежные руки – к Нине Петровне и Алексею Федоровичу. Пенсионеры встретили гостью как родную. Их дочь вместе с зятем и внуками несколько лет назад переехала в Израиль, и всю свою нерастраченную теплоту и заботу гостеприимные хозяева решили излить на Алёну. Они подробно расспросили гостью, как обстоит дело с наследством и ужаснулись, что, возможно, их соседа убили.

– Я бы ни минуты в той квартире не осталась, – констатировала Нина Петровна, – ни за что бы ночевать там не стала. А ты мужу своему звонила?

– Да, сегодня. Он мне посоветовал быть осторожной.

– А кто твой муж?

– По профессии? Он военнoслужаший, офицер.

– А в каком звании? – не унималась Нина Петровна.

– Подполковник.

– О! – только и смогли ответить хозяева.

Для этого поколения звание кое-что значит. Алёна вздохнула. Сейчас девушки гоняются за банкирами или олигархами, а офицер – это невысокая зарплата, неустроенный быт, командировки, ненормированный рабочий день.

Последние несколько дней женщина засыпала очень поздно, они с Леной бурно обсуждали сложившуюся ситуацию. В доме у Нины Петровны был другой распорядок, здесь ложились спать с петухами. Алёна была этому даже рада. Усталость накопилась и готова была накрыть её с головой. Завтра опять предполагался тяжёлый и неприятный день, нужно идти в прокуратуру. В этом случае лучше запастись силами. Женщине постелили на диване в гостиной, и она заснула мгновенно.

«Бедная ты, Алёна, – пожалела она себя, перед тем, как погрузиться в сон, – кочуешь со своими тапочками и сумкой по всему подъезду, как цыганка с табором по Европе. Мой отец за 30 лет столько не общался со своими соседями, как я за эти несколько дней. Все говорят, что он был малообщительный, к сожалению».

Посредине ночи Алёна проснулась от собственного крика. Часы на тумбочке показывали половину третьего. Слава богу, она никого не разбудила. Алёна попыталась вспомнить,

что её так напугало. Во сне к ней подошёл какой-то мужчина. На вид он был совершенно обыкновенный. Глубоко посаженные серые глаза, взгляд тяжёлый, исподлобья. Одет в чёрную кожаную куртку, джинсы, кроссовки. Мужчина что-то угрожающе говорил Алёне, потом схватил её за руку и куда-то потащил. Женщина отбивалась и кричала, потому и проснулась в холодном поту.

На следующий день, около 12 часов, Алёна вместе с заведующим кафедрой договорились встретиться с прокурором. Так как пенсионеры, у которых теперь она разместились, вставали с рассветом солнца, было ещё раннее утро. После завтрака Алёна решила немного прибраться в квартире отца, всё пространство которой было битком набито разными вещами и документами. Нужно было решить, как всем этим распорядиться, что оставить себе, что отдать нуждающимся, а что-то просто выбросить. Нина Петровна, опекающая Алёну как родная мать, твердо сказала, что не допустит, чтобы та одна находилась в «этой квартире».

– У меня там просто мороз по коже и такая тяжесть на душе, – сказала сердобольная соседка.

Алёна подумала, что может кто-нибудь нагрязнеть, вроде того неприятного студента, а она будет одна в квартире, все вокруг на работе, мало ли что... О том, что теоретически может случиться, не хотелось даже думать. Поэтому она согласилась принять помощь Нины Петровны. Женщины поднялись на 4 этаж, дверь в квартиру опять удалось открыть с

большим трудом.

– Надо будет срочно поменять замок, – сказала Нина Петровна, – невозможно каждый раз так мучиться, мы в один прекрасный момент вообще не сможем открыть квартиру.

Алёна вспомнила, что и коллеги отца и в домоуправлении настойчиво предлагали ей сменить замок.

Стоило зайти в квартиру, как у наследницы внезапно заныло сердце. В гостиной на полу Алёна увидела свежие следы двух пар мужских ботинок большого размера. Женщина отлично помнила, как перед поминками чисто вымыла пол во всей квартире, а в особенности, в гостиной. Все соседи, пришедшие на поминки, были в домашних тапочках. На следующий день Алёна с Леной целый день прибирались, искали документы на квартиру, и никаких следов точно не было, они, конечно же, заметили бы это. Алёна наклонилась, чтобы поближе рассмотреть следы ног чужих недобрых людей, проникнувших каким-то образом в квартиру. Грязь была совсем свежая, вчера весь день шёл морозящий дождь, характерный для Брестской зимы. Одни следы были примерно 42 размера, а другие – просто огромные, не меньше 45 размера.

Чтобы не пугать пожилую Нину Петровну, Алёна решила пока не говорить ей об ужасном сюрпризе. Сама же пенсионерка ни на что не обратила внимание и устремилась к книжному шкафу, заполненному различными художественными альбомами и книгами по искусству так, что туда было уже ничего не запихнуть.

– Надо попробовать поискать здесь, – предложила соседка, – Может быть, документы на квартиру лежат где-то между книг? Хотя кто же хранит документы в книжном шкафу...

Оставив пожилую женщину одну в комнате, Алёна прошла на кухню и остановилась на пороге как вкопанная. Было такое ощущение, что коробка с корреспонденцией, которая стояла на кухонном столе, перерыта. Женщина вдруг вспомнила вкрадчивый голос следователя, с которым беседовала по телефону: «А Вы поддерживали отношения с отцом?». Алёна бросилась к столу. Она, конечно, не помнила, в каком порядке и что именно лежало в коробке, но незримо чувствовались поработавшие здесь посторонние. А где её последнее письмо к отцу, оно в стопке лежало сверху?

Оглядевшись, женщина нашла потерю. Письмо лежало на верхней полке кухонного сервантика. Но Алёна не могла его туда положить, это было слишком высоко для неё. «Похоже, ко мне ночью приходили гости. Не дай бог, неизвестные украдут письма и потом доказывай, выражаясь казенным языком, что она поддерживала отношения с отцом. Кто-нибудь явится с поддельным завещанием и скажет, что Александр Васильевич был одинок и заброшен и вот, нашелся близкий человек, например, ученик», – мелькнуло в голове у Алёны.

На кухне был один отпечаток чужих ботинок, несколько в мастерской, но основные следы были оставлены в гостиной. Держа в руках письмо, Алёна застыла в тяжёлых раздумьях.

Сознание изо всех сил сопротивлялось страшной информации. Может, её чудовищные подозрения – плод фантазии, ей кажется, а отец, всё-таки, умер своей смертью, от сердечного приступа?

«Не обманывайся, Алёна, – сказала она себе, – конечно, было бы гораздо спокойнее и удобнее, если бы всё помешалось. Но нет! Кто-то приходил сегодня ночью и просто счастье, что ты нашла приют у добросердечных соседей. Иначе тебя постигла бы участь отца. Вряд ли эти двое просто хотели попить чаю и поговорить по душам».

Нина Петровна между тем с интересом изучала книги. Она вытаскивала стопку за стопкой и методично перетрясала, видимо, надеясь на чудо. Алёна подошла к полке и взяла художественный альбом «Лувр». Это было шикарное, очень качественное издание. Загадка, как отцу удалось его купить в советские времена, ведь хорошие книги были в дефиците. Когда Алёна в предыдущий раз гостила в Бресте, ей нравилось рассматривать этот альбом, и она была рада, что он на месте, стоит себе на полочке. Она обязательно заберет эту книгу в Новосибирск и будет на досуге её изучать. Неизвестно, сможет ли она когда-нибудь посетить Париж, пройтись по его улочкам, сходить в Лувр.

Мысли опять вернулись к реалиям сегодняшнего дня. Скорее всего, неизвестные злоумышленники имеют дубликат ключа от папиной квартиры. В таком случае нужно срочно поменять замок, а то потихоньку вынесут всё, что оста-

лось в квартире, например, картины. А это несправедливо, Алёна не хотела, чтобы чужие люди завладели отцовскими работами. Может быть, им совсем и не нужны картины. Хотя почему бы и нет, их можно дорого продать. В этот момент Нина Петровна оторвалась от очередной стопки книг, которую она с увлечением просматривала, и сказала:

– Алёна, купи-ка ты замок, а то, боюсь, мы в следующий раз не сможем открыть эту квартиру. Здесь недалеко есть хозяйственный магазин, он, правда, достаточно скромный. Еще есть ларек на рынке. Так что купи замок и попроси, может, тебе кто-то из мужчин с кафедры его врежет. Ты как раз до обеда успеешь.

Через полчаса Алёна лицезрела скудный ассортимент местного хозмага. Выбор состоял из трех очень незатейливых замков. Женщина тяжёло вздохнула и поехала на рынок. Ларек выгодно отличался и качеством и большим ассортиментом продукции. Здесь были представлены суперсложные модели, чудо современной техники, но цена на это была просто катастрофической.

– А как можно сделать заказ на врезку замка, – поинтересовалась на всякий случай Алёна.

Румяный детина, хозяин ларька, сказал:

– У нас заказы расписаны до конца недели, так что можно записаться на следующую.

« На следующей недели я, наверное, уже буду в Новосибирске», – с долей оптимизма подумала Алёна. – А где-ни-

будь ещё можно найти мастера для врезки замка?

– Не знаю, где-нибудь, возможно, есть мастерская, – развел руками румяный продавец.

Алёна уже опаздывала и купила простенький и недорогой замок. Приехав на кафедру, она обрадовалась, увидев скучающего без дела Владимира Михайловича.

– Вы не могли бы мне помочь, – просительно сложив руки, сказала Алёна, – мне очень нужно врезать новый замок. Квартира практически не открывается.

Но Владимир Михайлович сказался больным – у него обострилась язва. Второй преподаватель тоже отказался помочь, сославшись на страшную занятость. В этот момент пришёл озабоченный какими-то делами зав.кафедрой, и Алёна отправилась с ним в прокуратуру.

– Я договорился о встрече с прокурором на 13 часов, – предупредил коллега отца.

В приёмной сказали, что прокурор задерживается и придётся подождать. Время шло, а прокурора не было. Зав.кафедрой нервно тарабанил пальцами по стулу. Наконец, он сказал:

– Я не могу больше здесь находиться, у меня сейчас начнётся пара. Вы уж дождитесь сами.

После чего попрощался и быстро вышел. Алёне осталась одна и продолжила терпеливо ждать.

Женщина мечтала скорее поделиться своими страшными подозрениями с прокурором. Сейчас её внимательно выслу-

шают, ободряют и подскажут, что надо делать. Слава богу, есть специально обученные люди, которые во всём разберутся, накажут виновных и защитят её, а то не очень-то приятно быть в чужом городе в роли мишени. Алёна не чувствует себя в безопасности, ведь она на виду, живет в квартире отца, а неизвестные злоумышленники действуют исподтишка, и никто не знает, как они выглядят. Поэтому нужно за защитой и помощью обращаться в прокуратуру, она для этого и существует, не так ли?

Алёна любила читать детективные романы и смотреть фильмы. Интересно было, как свои знания, опыт и логические способности все эти комиссары Мегрэ, Шерлоки Холмсы и Каменские бросают на борьбу с преступниками. Да они такие задачки щелкают как орешки. Чем сложнее проблема, тем больше азарт. Вот только захотят ли думать и разбираться сегодняшние следователи? Все жалуются на маленькую зарплату. Но кто заставляет идти на эту работу, если что-то не устраивает? Вот и некоторые врачи свои профессиональные ошибки и пренебрежение к пациентам объясняют низкой зарплатой. Но если врач любит свою работу, умный и опытный, он всё равно поставит правильный диагноз и вылечит пациента, человек же ни в чём ни виноват.

В разгар этих размышлений приехал, наконец, прокурор. Он встретил Алёну недружелюбно. Женщина растерянно топталась посреди большого кабинета и пыталась что-то говорить про папу – ветерана войны, пропавшие документы на

квартиру, странные обстоятельства его смерти, неизвестных людей, наследивших в комнатах. Не поднимая головы и перебирая какие-то бумаги, прокурор буркнул, что он сильно занят и ему реально некогда. «Интересно, что может быть важнее, чем убийство человека, – подумала Алёна, – наверное, только какое-то массовое убийство. По адресу ли я обратилась? Разве это учреждение не должно по долгу службы заниматься подобными делами? Так почему я в роли назойливого просителя?».

– Вы зайдите к следователю Спотыне в кабинет 216. Он вёл проверку по поводу смерти Вашего отца. Вы ему всё расскажете. Пусть он с Вами поговорит, запишет показания, – хмуро предложил прокурор, поняв, что так просто ему от Алёны не избавиться.

– Но я из другого города, – пыталась сопротивляться Алёна, которая после разговора со следователем по телефону не имела ни малейшего желания с ним общаться, – очень изда- лека. Я скоро вынуждена буду уехать...

– Идите, идите к следователю, – махнул полной ручкой прокурор, – пусть он с Вами поговорит.

Поняв, что на этом разговор закончен, Алёна поплелась в кабинет следователя. Может, если бы зав.кафедрой смог дожждаться приезда прокурора, то их выслушали бы более внимательно и не пинали бы сейчас по кабинетам. Но, возможно, у Алёны сложилось превратное впечатление, и следователь окажется прекрасным работником, чутким и вни-

мательным?

В кабинете находился молодой мужчина, крупный, холёный, в дорогом пиджаке из мягкой кожи. Он был белобрысый, со светло-серыми глазами и поросячьими белесыми ресничками. Пухлые губы кривила презрительная усмешка. Рядом с ним сидел какой-то коллега и они дружески болтали.

– Вы проводили проверку по поводу смерти моего отца, Александра Черных. У меня возникли вопросы, я подозреваю, что он умер насильственно. Меня прокурор к Вам направил, – попыталась рассказать о цели визита Алёна.

– Знаете что, женщина, – раздраженно сказал следователь, – пойдите в канцелярию, напишите заявление и оставьте там. А прокурор определит, кто будет заниматься этим. Так просто я ничего делать не буду!

Прозвучало это грубо и достаточно по-хамски. А может быть, это показалось?

– Вы почему со мной таким тоном разговариваете, – возмутилась Алёна, которая и так уже была на взводе, – у Вас хоть какая-то совесть есть?

– Совесть у меня давно потеряна, – заявил Спотына, с усмешкой глядя в глаза Алёне.

Его товарищ при этих словах дико загоготал.

– Не знаю, у Вас, может быть, принято глумиться над потерпевшей. Что Вы смеетесь? – только и смогла вымолвить Алёна, у которой уже не было сил выносить это издевательство.

Ухмылка сползла с лица коллеги Спотына.

– Выйдите из кабинета! – заорал он.

Алёна вышла из кабинета, испытывая острое чувство ненависти к этим сотрудникам по обеспечению правопорядка.

Женщина направилась в канцелярию, написала подробное заявление и удостоверилась, что секретарь его зарегистрировала. Надежда на то, что кто-нибудь будет расследовать это дело стремительно падала.

– Завтра приёмный день у зам.прокурора, Вы запишитесь на приём, – предложила секретарь, которая прониклась неким сочувствием к Алёне. – Может, он Вам чем-нибудь поможет. – Вот карточка с Вашим адресом, мы сообщим о результатах в Новосибирск.

Совершенно морально раздавленная Алёна еле доползла до дома. Она попросила у Нины Петровны валерьянки, чтобы как-то успокоиться. В этот момент пришла с работы Лена. Алёна попыталась взять себя в руки.

– Ну что, как ты ходила в прокуратуру? Что тебе там сказали? – нетерпеливо спросила Лена.

– Никто меня и слушать не стал, – вздохнула Алёна, – говорят, напишите заявление, мы рассмотрим. Хоть бы кто-нибудь со мной побеседовал, задал вопросы. А я ведь скоро уеду в Новосибирск. Следователь вообще мне сказал, что у него совесть давно потеряна.

– Да ты что, так прямо и сказал? – ахнула Лена.

– Так и сказал... Представляешь? Как с ними разговаривать? У меня такое твердое убеждение, что никто ничего расследовать не будет, только и ждут, чтобы я уехала домой. Кстати, у меня к тебе предложение – давай сходим в квартиру отца, я тебе хочу кое-что показать.

Женщины поднялись на четвертый этаж, но открыть дверь в помещение оказалось не так просто. Из квартиры Лосевых, расположенной рядом, донесся лай рыженькой собачки Тяпочки, почувствовавшей присутствие чужих людей.

– Нет, это невозможно каждый раз так мучиться, – рассердилась Лена.

– Я купила замок, – сказала Алёна, – но он очень простенький. Сложные импортные стоят безумных денег. Только я не смогла найти того, кто бы врезал этот замок. На кафедре – отказались, в мастерской – очередь чуть ни неделя.

– Ничего, что-нибудь придумаем, – махнула рукой Лена.

Ей всё-таки удалось открыть дверь. Женщины зашли в квартиру.

– Вот, смотри, – Алёна ткнула пальцем в пол, – какие-то чужие следы.

На полу в гостиной были явственно видны следы ботинок, принадлежащих, вероятно, двум каким-то мужчинам.

– Следы свежие, – констатировала Лена, – на улице шёл дождь, грязи полно, и отпечатки видны очень хорошо! Ты же мыла полы в квартире перед тем как пригласить соседей на поминки. Это я хорошо помню, как раз пришёл странный

и подозрительный студент. Но он дальше прихожей не проходил, а соседи пришли в тапочках. Потом мы с тобой на следующий день, в воскресенье, почти целый день провели в этой квартире, искали документы. Но никаких следов не было, их же невозможно было не заметить, следы огромные. Как ты думаешь, откуда они взялись?

– Наверное, кто-то приходил в мое отсутствие, скорее всего, ночью. Видимо, у неизвестных злоумышленников есть ключ от этой квартиры. Поэтому и замок у папы незадолго до смерти стал плохо открываться, возможно, сделали дубликат, но не очень хорошего качества.

– Зачем же они приходили? – прошептала Лена, опускаясь на диван рядом с портретом Джоконды. – Они что же... хотели тебя убить?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Алёна, которая уже дошла до стадии полного безразличия, – может, просто хотели поговорить по душам. Скажут: отдай-ка нам квартиру подбру-поздорову, не для того мы убивали твоего папу, чтобы ты приехала и нагло всё унаследовала.

Алёна вдруг вспомнила то чувство необъяснимого ужаса, охватившее её недавно... Это было в понедельник, она шла вечером от нотариуса, неприятной и странной дамы. Алёна ещё сказала ей, что дело о наследстве её отца пахнет криминалом. И несимпатичная девица ужасно разозлилась почему-то и сказала, что раз так, нужно обращаться в милицию, а она ничем помочь не может. И была какая-то очень на-

пряженная и взволнованная. Но потом, когда Алёна вернулась с запросом от другого нотариуса, по делам наследства, то неприятная дама была уже вежлива и даже мило улыбалась. К чему бы это?

Лена задумалась:

– Как бы нам не хотелось думать, что померещилось, похоже, что твоего отца убили, вероятно, из-за квартиры. И теперь покушаются на тебя. Хотя это уже совсем нагло выглядит. Давай-ка посмотрим поближе на его пижаму, помнишь, вот тут валялась, на диване. Я ещё собрала пижаму вместе с постельным бельем и отнесла в спальню, потому что должны были прийти соседи на поминки и надо было навести хоть какой-то порядок.

Женщины отправились в спальню. Постельное белье вместе с одеялом было свернуто рулоном и лежало на тумбочке рядом с шифоньером.

– Не может быть, – сказала Лена, развернув одеяло, – пижамы нет! Я же сама её сюда положила, внутрь рулона. А теперь её нет!

– А ты уверена? – ради приличия спросила Алёна, – может ты её куда-нибудь в другое место положила.

– Уверена, – огрызнулась Лена, – но если хочешь, можно поискать в другом месте.

Женщина перетряхнула постельное белье, заглянула в тумбочку.

– Кстати, – сказала Лена, – Лосева мне рассказала свой

сон. Соседка видела твоего папу, он сказал: «У меня в шифоньере деньги». Может, правда, где-нибудь на полке деньги припрятаны?

Лена энергично перетряхнула весь шифоньер. Денег нигде не было. Пижама тоже.

– Ёлки-палки, где же эта пижама? Уже всё перебрали, каждую тряпочку. Вокруг одни краски да картины. Я же помню, сама убирала эту пижаму, сложила вместе с простынями. Полосатая такая пижама... Хочу посмотреть, нет ли на ней каких-нибудь следов, пятен, чего-нибудь подозрительного.

– Похоже, её украли. Если бы нам только в голову такое могло прийти, мы бы сразу эту пижаму поближе рассмотрели. Неизвестные злоумышленники кинулись скрывать следы. Только откуда они узнали о моих подозрениях? Что папа умер не своей смертью? Я в прокуратуру ходила только сегодня. А неизвестные появились, судя по всему, прошлой ночью.

– Кому-нибудь ты говорила о своих подозрениях?

– Студенту, который приходил после похорон, я ничего не говорила. Сама тогда ничего не подозревала. Нотариусу сказала, неприятной девице, которая не хотела мне говорить, есть ли завещание. Я ей сказала, что эта история – криминальная. Потом ещё рассказывала о своих сомнениях на кафедре. И мы с зав.кафедрой вместе звонили следователю, проводившему проверку по поводу смерти папы. Следователь сказал, что на место не выезжал и проверку не прово-

дил, потому что милиция ему якобы сообщила, что следов насилия нет. Мне, честно говоря, казалось, работник прокуратуры должен хотя бы из профессионального любопытства расспросить, почему я решила, что смерть насильственная. Но он спросил только, поддерживала ли я с отцом родственные отношения.

– Ну а ты что ответила?

– Что поддерживала отношения. И имеются письма отца ко мне и мои к отцу. И знаешь, что странно? Я сегодня зашла на кухню и нашла последнее своё письмо не в коробке, где оно лежало до этого, а на сервантике. А я не могла его туда положить, это для меня слишком высоко. Возможно, письмо кто-то читал, кто-то высокий, а потом его что-то отвлекло.

– Ты рассказала обо всем Нине Петровне?

– Нет, я не хотела пугать пожилую женщину. Она и так мне сказала, что идёт в эту квартиру с тяжёлым сердцем, и ей хочется бежать отсюда куда подальше.

– Есть такое, – вздохнула Лена. – Мне тоже находиться здесь неприятно. Только из-за тебя я прихожу в эту квартиру. Кстати, нужно срочно поменять замок, иначе злоумышленники вынесут всё, что ещё осталось.

– Не знаю, как мне поменять замок, все отказались, а в мастерской очередь на неделю вперед. К тому же завтра я записалась на приём к зам.прокурора. Может, у него я найду какое-то понимание. Ни прокурор, ни следователь со мной даже разговаривать не захотели.

– Я попрошу Нину Петровну, она с кем-нибудь договориться насчёт замены замка. Жалко, что твой муж не смог с тобой приехать.

– Как ты себе это представляешь, Лена? – вздохнула Алёна. – Я днём получила телеграмму, а ночью уже вылетела в Москву, ещё и пересадку сделала на поезд, чтобы только успеть на похороны. Мы с трудом сумели занять денег на билеты и на похороны. Кто же знал, что часть расходов возьмёт на себя военкомат. Муж, между прочем, военнослужащий, и ему не так просто оформить отпуск. Конечно, хорошо бы приехать вот так, всей семьей, – и с мамой, и с мужем.

– Да, далеко, конечно, очень, – согласилась Лена. – Где Новосибирск и где Брест? Надо же было вам так далеко друг от друга поселиться! А как так получилось?

– Родители расстались, и папе негде было жить. А тут, в Бресте, организовали новый институт и отец прошёл по конкурсу на должность доцента. И ему сразу же дали эту двухкомнатную квартиру с расчётом на меня и маму, так как родители тогда ещё не оформили официальный развод. Папа надеялся, что мама к нему переедет, но она отказалась.

– А мама твоя потом вышла замуж?

– Нет, так и прожила всю жизнь одна. Так же, как и папа. Они оба были слишком увлечены своей работой. Такие разные люди... Мама – ярко выраженный технарь, а отец – человек искусства.

В этот момент раздался звонок. Пришла соседка из квар-

тиры напротив, Марина. Она умирала от любопытства.

– Я в глазок увидела, что вы пришли, – призналась она. – Ты, Алёна, как летучий голландец, кочуешь по подъезду. То у Лосевых ночевала, то у Лены, а теперь, говорят, у Нины Петровны. Не живется тебе в наследственной квартире! Ну и правильно. Здесь, если честно, невозможно долго находиться. Такая тяжёлая, гнетущая атмосфера. Джоконда какая-то зловещая. Где, интересно, Ваш папаша нашёл такую огромную репродукцию? Ну, рассказывайте, документы-то нашли на квартиру?

– Я оформила дубликаты, – сказала Алёна. – И написала заявление об открытии наследства. А подлинники так и не нашлись.

– А вы всё обыскали? – удивилась Марина. – А то здесь столько всяких вещей!

– Перетряхнули каждую тряпочку, каждую бумажку, просмотрели книги, – вмешалась Лена, – Обыскали вообще всё. А вот пойдя, полюбуйся. В квартиру кто-то приходил, когда Алёны не было.

Лена показала соседке следы. Марина наклонилась, чтобы посмотреть.

– Следы мужских ботинок большого размера! – в ужасе прошептала она. – Так это что получается... тут ходит ночью кто-то, что ли? Днём-то вряд ли кто-то сунется, даже если никого в квартире нет. Лосевы всё время дома, собачка их лает на весь подъезд. Слушайте, а повезло Алёне, что она но-

чует у Нины Петровны. Прибили бы, наверное, и не поморщились. Нужно в милицию об этом сообщить. У меня просто мороз по коже, как подумаю, что тут творится! Ночами кто-то ходит...

Марина схватила стул и поставила его на один из наиболее ярко выраженных отпечатков.

– Вот, чтобы не затоптали нечаянно, – сказала она. – А вот ещё один образчик чьих-то следов. И на него мы тоже поставим стульчик.

– Знаешь что, Алёна, – сказала Марина напоследок, – могла бы ты домой, в Новосибирск, пока тебя тут не прибили. Хотя кто бы мог подумать, ведь у нас такой тихий городок, никогда ни о чём подобном не слышали.

Проводив гостью, женщины решили на нервной почве попить чаю с чем-нибудь сладким. Отцовская квартира к чаепитию категорически не располагала, поэтому с трудом заперев дверь, подруги спустились на этаж ниже, в квартиру Лены.

Алёна вызвалась сходить в магазин. Там она купила всё, что ей понравилось – хороших конфет, румяных польских яблок, дорогого сыра и копчёной колбасы. Вспомнив, что обещала чаще звонить мужу, чтобы держать его в курсе дел, и чувствуя угрызения совести, Алёна зашла на почту и позвонила на домашний номер.

– Я по тебе очень соскучился, – сказал Максим, – ты когда собираешься домой?

Алёна вкратце пересказала последние события. Муж пришёл в ужас, что было, впрочем, вполне предсказуемо.

– Слушай, бросай всё и немедленно уезжай оттуда! Ну его, это наследство!

– Как я могу уехать, – вздохнула Алёна, – я ещё не оформила до конца документы на квартиру. Ты что, хочешь, чтобы она досталась убийцам? Папа на том свете этого не поймет. А картины? Эти подонки всё вынесут, а ведь отец вложил в эти картины всю свою душу. Завтра я иду на приём к зам.прокурора, может, хоть он меня выслушает.

– Еще раз хочу заострить твоё внимание, будь очень осторожна. Никуда не ходи одна вечером. И в квартиру одна не ходи – у них есть ключ! Слава богу, что тебя приютили соседи. Постарайся побыстрее управиться. Я тебя очень жду! И мама твоя всё время спрашивает, звонила ли ты. Мы понимаем, как тебе тяжело приходится.

– Постараюсь выполнить твои указания, – слабо улыбнулась Алёна.

За то время, пока Алёна ходила в магазин, Лена успела поджарить горку золотистых драников из белорусской бульбы.

– Что-то ты долго ходила, я уже забеспокоилась, – сказала женщина.

Алёна вытащила гостинцы к чаю.

– Накупила на пол моей зарплаты, – сказала Лена, – ты бы поэкономила, деньги ещё пригодятся.

– А что, у вас маленькие зарплаты в Бресте? – поинтересовалась Алёна.

Она уже была наслышана об этой проблеме из разговоров на кафедре.

– Да уж, не больно-то разбежишься, – вздохнула Лена. – Хотя, если бы Гоша не пропивал всю свою зарплату, нам бы хватало. У него родственники в деревне, вот там нищета...

– Но у вас продукты заметно дешевле, чем в России. – Алёна чувствовала себя в гастрономе Бреста богатым человеком. – К тому же качество продуктов гораздо выше. Колбаса вкусная, сыр тоже. Я выпила на поминках стопку водки, которую обычно не пью. Так и водка без неприятного привкуса, как говорится, чистая как слеза. А про вашу картошку я вообще молчу.

– Что – нравится? – улыбнулась Лена. – Ты кушай драники. Я их со шкварками сделала.

Она положила на тарелку драники со шкварками и золотистым жареным луком. Алёна вспомнила, что целый день ничего не ела, только выпила кофе в своем любимом кафе в центре города. Из-за всей этой нервозности щеки у неё стали впалыми, черты лица заострились. Если так пойдет дело, то никто её не узнает. Алёна через силу заставила себя съесть драник. Потом Лена налила ей душистого чая с какими-то травками, собранными в деревне, а также предложила местного мёда. Мёд был привезен из местности, граничащей с Беловежской Пущей.

Женщины засиделись допоздна. Лена жаловалась на свою тяжёлую женскую долю – детей нет, Гоша беспробудно пьёт, зарплата маленькая. В больнице, в отделении гнойной хирургии, где Лена работает, каждый день какие-нибудь ужасы. Единственное, что помогает держаться, это вера в бога. Лена нашла утешение в одной из баптистских церквей. Она даже похвасталась, что молилась, чтобы ей, наконец, поставили телефон. И вот неожиданно ей приходит сообщение, что её очередь на телефон подошла, можно его поставить. Алёна, воспитанная в православной вере, молча выслушала, никак не комментируя. В конце концов, в Лене подкупает искреннее желание всем помочь, а выбор церкви – её личное дело.

На следующее утро упорная Алёна опять направилась в прокуратуру. Зам.прокурора, в отличие от предыдущих слушателей закона, был подчеркнуто вежлив и корректен. Он внимательно выслушал женщину, интеллигентно кивал и пообещал, что прокуратура во всем разберется и в ближайшее же время.

– Только не давайте вести это дело следователю Спотыне, – горячилась Алёна, – он мне сказал, что у него совесть давно утеряна! Представляете?

– Так прямо и сказал? – спросил зам.прокурора, удивленно приподняв брови.

– Зачем мне Вас обманывать, – сказала Алёна. – А может, он и сам там задействован, – ляпнула она в сердцах.

– Может, он и сам там задействован, – задумчиво повто-

рил зам.прокурора, нисколько не удивившись такому очень смелому предположению.

После визита в прокуратуру Алёна опять отправилась в полюбившееся ей кафе выпить чашку кофе. Какая-то надежда, появившаяся было во время визита в прокуратуру, стремительно улетучивалась. Обдумав ещё раз только что состоявшийся разговор, Алёна решила, что на самом деле от неё пытаются избавиться как от навязчивой мухи и только и ждут, когда она уедет. Более того, у неё крепло убеждение, что на самом деле никакого расследования странных обстоятельств смерти отца не будет.

Перед тем как вернуться домой, Алёна зашла к районному нотариусу. Неприятная девица встретила её с кислой улыбкой, но на сей раз была подчеркнута вежлива. Дубликаты документов на квартиру должны быть готовы через пару дней. Теперь Алёна могла уехать в Новосибирск, потому что в наследство можно было вступить только через полгода. Осталось ещё решить как-то вопрос с картинами.

Дома её встретила радостная Нина Петровна. Ей удалось таки договориться с одним из соседей, и он врезал новый замок в квартиру. Нина Петровна вручила за это бутылку водки, и мужчина остался очень доволен.

– Мы не стали выламывать старый замок, а просто поставили ещё один, – рассказала воодушевленная Нина Петровна.

Лена, у которой вечером было дежурство, тоже пришла

посмотреть, что получилось. Около двери валялась свежая стружка. Алёна решила взять тазик и помыть пол, чтобы не развозить грязь по квартире. Зайдя в ванную, женщина обнаружила, что там горит свет. У неё опять заныло сердце. Алёна избегала пользоваться туалетом, ведь на пороге нашли мертвым её отца. Ванной она тоже не пользовалась и старалась туда даже не заходить, ведь практически она жила у Нины Петровны.

– Лена, – позвала Алёна, – ты не заходила, случайно, в ванную?

– Нет, а что? – отозвалась Лена, любовавшаяся новым замком.

– А то, что здесь почему-то горит свет. Но я туда не заходила.

– Я тоже, – сказала Лена.

– Может, мы забыли выключить свет, – усомнилась Алёна.

– Нет, я точно помню, что я проверяла, и свет нигде не горел. Наверное, сосед, который врезал замок, заходил в ванную. – Нина Петровна, дядя Витя заходил в туалет или в ванную?

– Нет, что вы, – замахала руками Нина Петровна, – я сидела на стульчике в прихожей, а он вообще не заходил в квартиру. Инструменты с собой принес. Да и я дальше прихожей никуда не ходила. Не люблю я эту квартиру. Мне тут как-то даже дурно становится. А что?

– Да так, ничего, мы тут, похоже, свет забыли выключить.

чить, – пробормотала Лена.

Потом она сказала потихоньку:

– Они, эти неизвестные, опять тут побывали. Ходят как к себе домой, ничего не боятся. Говорят, что убийц всегда тянет на место преступления.

Алёна поежилась. «Неужели это происходит наяву и со мной», – подумала она с ужасом.

– Знаешь что, – сказала Лена, – замок взрвали – это хорошо. Отправляй-ка ты картины отца домой, нельзя их здесь оставлять. Ты ведь будешь продавать квартиру?

– Да, но не раньше, чем через полгода, когда я вступлю в права на наследство. Если до этого времени, конечно, не объявятся какие-нибудь лженаследники.

– Теперь никто не объявится, раз уж ты приехала, – довольно уверенно сказала Лена. – Не посмеют сунуться.

– Кто его знает, – сказала Алёна, – у нас в России столько таких дел по поводу недвижимости. Вдруг подделают завещание, а мне потом доказывать что-то. Ведь не зря же украли документы.

Алёна задумалась. В квартире ощущалось незримое присутствие неких людей, недобрых и жестоких. Тех, которые убили отца, а теперь энергично уничтожают следы и начинают методичную охоту на дочь. Возможно, они приходят ночью, когда подъезд спит глубоким сном. Чужие люди трогают папины вещи, документы, зачем-то украли пижаму, зажгли свет в ванной. Кто они, эти люди? Или, можно сказать,

нелюди.

Как бы то ни было, Алёна является прекрасной мишенью. Она на виду, чужая в этом городе со своими порядками и правилами. Дальше только польская граница, а дорога практически одна – на Москву. Нет даже времени погоревать, осмыслить смерть отца, подумать, что он значил для Алёны. Человек, которого она видела всего несколько раз в жизни, но такого похожего на неё и лицом и складом ума. А душой? А душа, наверное, у каждого своя, индивидуальная.

– О чём ты думаешь? – спросила Лена. – Такая нахмуренная, даже страшно. Ты, наверное, уже соскучилась по дому. Мы тебя поддерживаем как можем. Но родные, разумеется, лучше. Знаешь что? Я договорюсь с одной хорошей девочкой, Наташей, тоже посещающую нашу церковь. Завтра она с утра придёт и поможет тебе упаковать и отправить картины. У меня ночное дежурство, а у нас особенно не отдохнешь, так что днём я буду отсыпаться. А Наташа всё равно сейчас не работает, она собирается замуж за пастора из Голландии и скоро уедет к мужу.

В этот момент в квартире зазвонил телефон. Зав.кафедрой вспомнил, наконец, про Алёну и интересовался, что она узнала в прокуратуре, как у неё обстоят дела. Женщина пообещала в ближайшее время зайти на кафедру и лично обо всем рассказать.

Вечером, лежа в постели, Алёна впервые подумала, как она устала от всех проблем и соскучилась по дому. До этого

она ходила как зомби и выполняла всё, что требовалось, и даже времени подумать о родных у неё не было. Сердце болезненно сжалось. Как мама? Чем занимается сейчас муж?

Со времени своего недавнего замужества Алёна ещё ни разу не расставалась с супругом. Вместе хотели они приехать в Брест в отпуск. «Отец уже такой пожилой, живет один, – говорила она Максиму, – нужно навестить его и уговорить перебраться в Новосибирск, к нам поближе. Не по телефону же с ним на эту тему разговаривать». Но вот не успели... Алёна ужасно соскучилась по мужу, просто старалась об этом не думать. Никто не предполагал, что эта поездка затянется. Женщина подумала, как она хочет домой, где ей ничего не угрожает, ведь здесь полно сюрпризов, и она чувствует опасность.

Ночью Алёна увидела очередной кошмарный сон: она с небольшой собачкой пошла купаться на озеро. Отплыв от берега, женщина взглянула вниз и в глубине, на дне озера, увидела множество змей. Они были огромные и лежали, тихо притаившись. В ужасе Алёна, прихватив свою собачку, выскочила на берег, пока земноводные не успели на них напасть.

Проснувшись в холодном поту посреди ночи, она долго не могла уснуть. Если верить соннику, змеи означают врагов. И эти крупные, величиной с удавов, змеи, затаившиеся на дне озера, – это влиятельные и сильные тайные враги, готовые молниеносно напасть. А собачка означает помощь дру-

га. Но собачка такая маленькая, скорее декоративная, оказать помощь в борьбе со змеями вряд ли сможет. «Не надо так драматизировать, – думала Алёна, безуспешно пытаюсь заснуть, – я стала слишком мнительной».

– Ты плохо спала, – участливо спросила Нина Петровна во время завтрака. – Выглядишь совершенно измученной. Дай-ка я тебе накапаю настойку пустырника, я её всегда пью, когда нервничаю.

В этот момент в квартиру неожиданно позвонили. На пороге стояла стройная синеглазая девушка с русой косой и нежным румянцем. Алёна совсем забыла, что должна прийти знакомая Лены, чтобы помочь с отправкой картин, но, видимо, это была она.

– Я – Наташа, – с широкой улыбкой представилась девушка. – Мне Лена сказала, что Вам нужна помощь.

– Проходите, пожалуйста, – засуетилась Нина Петровна, – позавтракайте с нами. Чайку?

Девушка из вежливости выпила чашку чая. После этого она вместе с Алёной поднялась в квартиру художника Черных. После первичного осмотра стало ясно, что фронт работ огромен. Спальня, превращенная в мастерскую, была полностью заставлена картинами, хаотично стоявшими повсюду – на полу, на кровати, на письменном столе и даже на шифоньере.

– Не дом, а картинная галерея, – удивилась Наташа.

Она присела на корточки перед портретом маленькой де-

вочки в соломенной шляпке с букетиком незабудок.

– Какое чудо, – восхитилась Наташа, – девочка как живая.

Взгляд такой ... глубокий.

Далее её взор привлекли горные пейзажи, потом – виды Старой Риги.

– И это всё нарисовал Ваш папа? Такое количество?

– Папа последние годы работал очень плодотворно, – вздохнула Алёна. – И он не хотел продавать свои работы. Говорил, что они для него как дети.

– Дети сродни творчеству, – подтвердила Наташа.

Потом она неожиданно перевела разговор.

– А я замуж выхожу, поэтому сейчас не работаю. Вот оформлю документы и уеду в Голландию.

Алёна понимающе кивнула. Лена ей что-то такое говорила на эту тему.

– А за кого?

– За пастора. Он вдовец и у него двое детей.

– Он тебя старше?

– Да, на шестнадцать лет.

– А ты его любишь?

Ясные голубые глаза Наташи затуманились, и она ничего не ответила.

В этот момент пришла энергичная, как всегда, Нина Петровна.

– Я нашла очень приличные коробки из-под сигарет возле нашей помойки. Чистенькие, сухие. В них можно упаковать

картины. Пойдемте скорее за ними, пока никто не забрал.

Коробки и впрямь были очень удачные. В них как раз помещалось большинство картин. Решено было наиболее дорогие произведения, написанные маслом, упаковать в коробки и отправить по железной дороге. А остальные работы временно оставить на хранение соседям, до тех пор, пока Алёна опять придет. А то оставлять в пустой квартире опасно, вдруг картины кто-нибудь украдет.

В последующие два часа Алёна и Наташа, не покладая рук, упаковывали произведения искусства, перекладывая их газетами. Наконец, всё, что вошло в найденные коробки, было добротнo упаковано, а коробки перетянуты бечевой, которую Алёна предусмотрительно купила в хозяйственном магазине.

– Ну что, вызываем такси? – спросила Наташа, вытирая от пота лоб.

Алёна, в изнеможении упавшая на диван, молча кивнула. Кое-как вытащив коробки во двор, они стали ожидать такси. Алёна сломала ноготь, но мужественно молчала и не жаловалась. Приехавший, наконец, пожилой полный таксист, стоял, что называется, руки в брюки, и с интересом наблюдал, как девчонки корячатся, затаскивая тяжёлые коробки в багажник. «Вот сволочь какая, хоть бы помог», – подумала Алёна, косо посмотрев на вредного дядьку.

– У меня уже колени трясутся от напряжения, – пожаловалась Наташа.

Алёна понимающе кивнула, так как у неё болели руки, ноги и вообще все, что можно. «Наташа страдает по своей инициативе, мне-то деваться некуда, а она это делает из любви к людям. Бедная девочка, она до этого дня даже не знала о моем существовании».

Но самое большое испытание ожидало в багажном отделении. Отдел отправки почему-то был на втором этаже, а грузовой лифт, как водится, не работал. Пришлось тащить тяжёлые коробки на себе. После этого Алёна ещё вдоволь набегалась, оформляя разные бумажки. Когда всё было закончено, она даже не поверила своему счастью.

– Ну, наконец, всё отправили, – ангельски улыбнулась Наташа.

Алёна долго благодарила девушку за помощь. «Вот я бы так смогла – прийти к незнакомому доселе человеку и надирать, целый день помогая отправлять чужие картины. Занятие, между прочем, не из легких», – подумала Алёна. Но Наташа улыбнулась своей неземной светлой улыбкой и ответила, что делать добро для неё – превыше всего.

Выполнив столь большое и важное дело, Алёна слегка приободрилась. Теперь можно было подумать и об отъезде домой. Похороны прошли, документы на квартиру она восстановила и вот-вот получит, заявление о принятии наследства написала, сходила на приём к прокурору, правда, не слишком удачно. Теперь отправила большую часть картин. А остальные она разместит у Лены и Нины Петровны. Уехать

от этого кошмара домой – это невысказанная роскошь, подарок судьбы, Алёна втайне мечтала об этом, когда не могла вечером уснуть. Ей здесь тяжёло находиться, она просто задыхается. Странные вещи творятся в этой квартире, как призраки ходят какие-то недобрые люди, исчезают разные вещи. Алёна чувствует угрозу для себя, и это она ещё оптимистически настроена. Чувство безопасности может появиться только дома. Но всё ли там благополучно?

По мужу Алёна соскучилась, но с мамой совсем другая история. Почему мать так не хотела, чтобы Алёна ехала на похороны отца? С бывшим мужем у матери были совершенно нормальные отношения. Давно всё выяснено, развод оформлен, никакого негатива. Алёна не ожидала от матери столь категоричных требований – не ехать в Брест. Не в развлекательную же поездку собралась она. Кто будет заниматься похоронами, приводить в порядок дела отца? Это долг, от которого нельзя отказаться. А теперь ещё выяснились более, чем странные обстоятельства его смерти. С другой стороны, мать как будто предвидела, что Алёна попадёт в опасную для жизни ситуацию.

Женщина вспомнила, что обещала зайти в институт, зав.кафедрой просил держать его в курсе дела. А потом можно будет подумать, когда взять билеты домой.

В приёмной сидела секретарша Полинка и весело болтала с какой-то девушкой.

– Хорошо, что Вы пришли, – обрадовалась она, – а то мы

уже стали беспокоиться. Ну, что Вы узнали нового?

– Ничего особо не узнала. Сходила в прокуратуру, написала заявление. Сегодня вот картины домой целый день отправляла.

– У моей сестры муж работает в милиции, – сказала Полинка, – он говорит, что в Бресте не было за это время ни одного дела об убийстве пожилых людей из-за квартиры.

– Зато у нас в России таких дел полно. Всё время по телевизору что-нибудь на эту тему показывают.

– Правда, у нас такая милиция..., – Полинка выразительно подняла брови и вздохнула.

– В прокуратуре обещали провести проверку, всё расследовать и мне сообщить в Новосибирск, – продолжала рассказывать Алёна, – я не понимаю, почему нельзя поручить это дело какому-нибудь следователю, чтобы он попытался разобраться, пока я не уехала, расспросить меня об известных фактах. Я чувствую, что никто не планирует проводить расследование. Хотя, конечно, хочется верить в лучшее.

– Наверное, уже соскучились по дому?

– Да, уже мечтаю скорее взять билеты и уехать домой, – призналась Алёна.

В этот момент из своего кабинета вышел заведующий, до этого разговаривавший с каким-то мужчиной. Он жестом пригласил Алёну в кабинет и подробно расспросил её о визите к прокурору.

– Черт знает что, – прокомментировал он услышанное, –

такое впечатление, что никому ничего не надо... Умер человек! Заслуженный человек, ветеран войны. Так вы разберитесь, сам он умер или ему помогли, чтобы мы не мучились от подозрений!

– Самое ужасное, что у убийц, похоже, был ключ, – сказала Алёна. – Недавно прихожу в квартиру, а там появились свежие следы двух пар ног, скорее всего мужских, судя по размерам. Пижама отца исчезла, она лежала на постели, полосатая такая.

– Все мы видели эту пижаму, – удивился заведующий, – и что – её нет?

– Вот. Нет пижамы, – вздохнула Алёна, – мы всё обыскали. Зачем она понадобилась?

Заведующий явно впечатлился рассказом.

– Давайте я Вам выпишу общежитие, если хотите, – предложил он. – А то я за Вас боюсь.

– Нет, спасибо! Меня приютили соседи. Они такие добрые, во всём мне помогают.

– Надо же, а Ваш отец, насколько я знаю, ни с кем из соседей практически не общался. Я думаю, если бы он не был такой замкнутый и побольше рассказывал, что у него есть дочь, пусть далеко, в Сибири, то, возможно, остался бы жив. А то подумали, наверное, что он одинокий... Папа Ваш, он ещё бодрый был, до последнего преподавал, правда, на полставки. Еще изостудию вёл, вместе с Анфисой Васильевной. Я дам её телефон, может, расскажет что. Еще он любил бы-

вать в Брестской крепости, ходил туда пешком чуть не каждый день, хотя это далеко. А рисовал как много... Да, жалко, конечно, человека. Вы хоть будьте повнимательнее, берегитесь. А то мало ли что.

– Я уже домой собираюсь. Хотела отдать на кафедру часть его книг. У него много специальной литературы по технике рисования, искусствоведению. Может, пригодиться.

Выйдя из института, Алёна почувствовала, что она падает от усталости, а от голода живот прилип к спине. Тем не менее когда она проходила мимо почты, почувствовала соблазн – позвонить домой, порадовать домашних, что завтра возьмёт билет на ближайший рейс и скоро приедет.

Набрав номер домашнего телефона, Алёна с нетерпением ожидала ответа, ей хотелось поделиться хорошей новостью. Но она стояла и слушала длинные гудки на том конце провода. С удивлением Алёна обнаружила, что в квартире никого не было и никто не ждал её звонка, а ведь в Новосибирске уже 9 вечера. А где же муж? Обычно в это время он давно дома. Так и не дождавшись ответа, грустная Алёна медленно пошла по каштановой аллее. На глаза наворачивались слезы.

Начало смеркаться, а её только что предупредили, чтобы не ходила одна. Алёна даже не хочет думать, где же сейчас её муж. Должно быть, период у неё такой тяжёлый в жизни, что она должна страдать. Но ничего, она справится. Похоже, пора уже стать взрослой. Она постепенно всё распутает, приедет домой и разберется. И папины дела все решит. Чувствуя

себя совершенно потерянной и одинокой, женщина дошла до остановки троллейбуса и уже хотела было уехать, но почему-то решила вернуться и быстро дошла до почты. Она решила позвонить ещё раз. На этот раз трубку взяли, и Алёна услышала голос мужа.

– Где ты был, я тебе недавно звонила, – спросила полная возмущения Алёна.

– Очень рад тебя слышать, – спокойно ответил Максим – Я был на работе, дела приводил в порядок. И сегодня ночью вылетаю к тебе, чувствую, ты не справляешься.

– Как – вылетаешь? Зачем? Я почти всё сделала. – рассердилась Алёна, – Сегодня вот картины домой отправила. Мысль, что теперь мне придётся остаться в этом городе, приводит меня в ужас.

– Но я уже отпуск оформил по семейным обстоятельствам, билеты купил. Словом, я ночью вылетаю. Что привезти?

Поняв, что ничего изменить нельзя, Алёна ответила первое, что пришло в голову.

– Засов привези. А то здесь, в Бресте, ничего подобного нет. В квартиру эту ходят как к себе домой.

– Неожиданно, – несколько удивился муж. – Хорошо, жди меня, я скоро приеду.

После разговора с супругом, настроение стремительно улучшилось. Вот, оказывается, как объяснялось отсутствие мужа. Он волнуется и хочет сам приехать, чтобы помочь. Хо-

тя если бы не эта идея супруга, она завтра взяла бы билеты домой. Но, похоже, ничего тут не поделаешь и придётся остаться. Алёна заскочила в подошедший троллейбус. По дороге она вспомнила, что, когда уезжала из Новосибирска, не взяла с собой ни косметичку, ни фен для волос. Такой запущенной она ещё никогда не была. А ведь попросила привезти только засов. Но не выпрыгивать же теперь из троллейбуса, тем более, что за окном уже совсем стемнело.

– Лена, – взволнованно сказала Алёна, – мой муж приезжает. Я только что разговаривала с ним по телефону.

– Как – приезжает? – удивилась Лена, – Ты же уже собралась домой возвращаться.

– А вот так! Он взял отпуск без содержания и сегодня ночью вылетает. Я, по-моему, слишком его запугала, рассказав, что здесь происходит. Перестаралась немного.

– Ничего себе, перестаралась. А я очень рада, что он приезжает. А то тебя ещё прибудут из-за этой квартиры.

– Я так хотела домой! Нервы никуда не годятся. Я здесь не чувствую себя в безопасности.

Про себя Алёна с ужасом подумала, что теперь, вероятно, придётся переехать от заботливых соседей в квартиру отца. Сколько можно обременять этих добрых людей, соседей. Но она даже не представляет, как будет спать в этой квартире. Ей, наверное, будут мерещиться всякие ужасы. Даже днём там находиться тяжёло.

Вслух Алёна разразилась тирадой:

– Кто его просил это делать? Я оформила документы на квартиру, теперь можно приехать через полгода и вступить в наследство. Картины мы с Наташей отправили, – принялась она опять перечислять возбужденным голосом. – Заявление в прокуратуру написала. К прокурору на приём ходила. Даже к двум. Они обещали во всем разобраться.

– Ага, так они и разбежались всё немедленно расследовать, – фыркнула Лена.

– Ну, а муж что сможет с ними сделать? Как воздействует? Лена пожала плечами.

– Может, что-то и сдвинется. Все-таки мужчина, к тому же военный. Знаешь что, раз твой муж приезжает, надо хоть прибраться. В этой квартире – ужасный бардак.

Алёна взяла ключи и нехотя поплелась вслед за Леной в квартиру отца.

– Я не знаю, за что тут хвататься, – жалобно сказала молодая женщина.

Но Лена была неумолима, она пошла в гостиную и распорядилась:

– Я уберу разное барахло с дивана, – сказала она, – а то даже присесть негде. А ты посмотри, что в холодильнике и протри его, что ли.

Алёна пошла на кухню. Первое, что ей бросилось в глаза – на холодильнике лежал какой-то предмет. Это был старый обшарпанный кошелек, больше похожий на портмоне.

– Что это такое? – удивилась Алёна, – Откуда он взялся?

Женщина прекрасно помнила, что на холодильнике лежало немного бумажных зайчиков, но никакого кошелька не было. Лена даже протерла с холодильника пыль. Они тогда искали оставшиеся наличные деньги, чтобы купить продукты на поминки, и проверили места, где могла быть наличность, даже карманы. Она точно помнила, что на холодильнике на тот момент ничего не было.

Алёна с опаской взяла в руки кошелёк, оказавшийся довольно тяжёлым. Машинально она заглянула внутрь, чтобы узнать, что же там находится и с ужасом отбросила, как будто увидела змею. В обшарпанном кошельке лежали медали, некоторые были совсем старые, некоторые новые – юбилейные.

– Не может быть, – вскричала Алёна. – Лена, иди сюда, нашлись медали моего отца!

Лена прибежала на кухню и тоже увидела награды.

– Как же так, – удивилась она, – мы что, не заметили этот кошель на холодильнике? И откуда взялись здесь медали, ведь они пропали у Александра Васильевича ещё 9 мая! Я прекрасно помню, как он переживал! Может, он где-то нашёл свои медали и никому не рассказал?

– Ты что такая наивная, – рассердилась Алёна. – Не было на холодильнике никаких медалей, я это отлично помню. Там лежали только папины очки и 200 зайчиков. Мы же с тобой, когда искали документы на квартиру, перевернули весь дом, перебрали каждую тряпочку, каждую бумажку.

И папа не находил свои медали, я разговаривала с его коллегами, они сказали, что отец переживал сильно по поводу пропажи. А письмо из милиции, отказ заниматься розыском медалей. Я ещё возмущалась хамским и бездушным тоном этого, с позволения сказать, послания. Его коллега, Анфиса, рассказала, что уговорила отца сделать планочки, так как удостоверения к медалям сохранились, а от милиции ничего не добьешься.

– Ты думаешь, медали подбросили? – спросила Лена. – Но почему они это сделали?

– Не знаю. Это очень странно. Но ведь зачем-то украли пижаму?

– Да, действительно, пижаму так и не нашли. Хотя я сама относила её вместе с постельным бельем в мастерскую. Наверное, неизвестные злоумышленники не ожидали, что ты приедешь и принялись заметать следы. Что там не так было с этой пижамой, мы теперь так и не узнаем. Какая жалость, что сразу не посмотрели.

– Но были похороны, нам было не до пижамы. Кто мог подумать, что её нагло упрут прямо из квартиры, – вздохнула Алёна.

– Да, действительно. Эти злодеи ведь ещё и следы ботинок оставили, натоптали тут везде. Я на особенно четкие отпечатки поставила сверху стулья, чтобы не затоптать нечаянно, может пригодиться.

– Сложилось ощущение, что никто ничего расследовать

не собирается, только и ждут, когда я уеду. Это тебе не Шерлок Холмс у Конан Дойля. Написали же отписку из милиции по поводу кражи папиных медалей. Представляю, что бы было, если в советское время у ветерана войны украли на 9 мая боевые награды. Тогда, наверное, всех бы на уши поставили. А теперь пишут типа: «сам виноват, нечего было спать на лавочке».

– Но всё-таки я не понимаю, – задумчиво сказала Лена, – зачем было подкидывать медали. Ведь они пропали ещё 9 мая. Неужели здесь есть какая-то связь? Между кражей медалей и смертью твоего отца?

Алёна собралась с духом и, преодолевая внутреннее сопротивление, вытащила медали из кошелька. Она смотрела на них с двойственным чувством. С одной стороны, нашлись награды отца. С другой стороны – чужие недобрые руки держали эти медали, принесли и подкинули их. Руки злоумышленников, тех, кто, возможно, убил отца. Она сказала:

– Я тоже не понимаю, зачем они подкинули медали... Помнишь, на поминки приходил папин ученик. Он нам потом показался подозрительным. Сначала я ему обрадовалась. Думала, кто-то из учеников отца решил выразить соболезнование. На поминках коллеги говорили, что Александр Черных вырастил множество известных в республике архитекторов и художников. Что вся могила должна быть в венках от благодарных воспитанников.

Но на похоронах было всего двое представителей от сту-

денческого профкома. Вот я и подумала, что хоть у кого-то совесть заговорила. А я как раз нашла письмо от участкового, где он пишет об отказе в возбуждении уголовного дела о пропаже медалей. Я и вылила всё своё возмущение по этому поводу на папиного студента, думала, он посочувствует. Как ты считаешь, может ли этот парень быть каким-то образом причастным к преступлению? Он мне показался странным.

– Тебе надо было спросить его фамилию, где он учится. Но можно себе представить, как ты себя чувствовала после похорон, вот и не догадалась.

– Мне ещё Полинка, секретарша, дала горстку таблеток валерьянки. Я после этого была заторможенная, словно зомби, – пожаловалась Алёна. – А так бы обязательно спросила.

– Ты на тот момент ещё не подозревала, что смерть твоего отца, возможно, насильственная. Мы же когда стали сомневаться? Когда не обнаружили документов на квартиру. Да ещё, если проанализировать то, что рассказали соседи, многое не сходиться. Странно, например, что Александра Васильевича нашли на пороге туалета, рядом с веником. Вроде бы подметал пол, ему стало плохо, и он умер. Но соседка снизу слышала сильный шум в 3 часа ночи, что-то с шумом упало, типа стула, потом ещё какие-то звуки и, наконец, стало тихо. Не мог же твой папа подметать пол в 3 часа ночи?

– А замок в квартире, который незадолго до смерти стал вдруг плохо открываться? А самое главное, здесь кто-то ночами ходит. Пижаму вот украли, её все видели, даже зав.ка-

федрой это подтвердил. Оставили следы ботинок большого размера, теперь вот медали подкинули. Все эти неуклюжие попытки скрыть следы вероятного преступления ещё больше вызывают подозрение. Я бы на их месте подкинула лучше документы на квартиру.

– А ещё Кася, женщина из соседнего подъезда. Она с сыном живет прямо через стенку от квартиры твоего папы. Она меня, между прочим, тоже спрашивала, что ты собираешься делать с квартирой.

– Конечно, им, наверное, интересно, что я буду делать. Ведь злодеи же, судя по всему, долго готовились к преступлению. Убили отца. И на тебе, приехала неизвестно откуда дочка и собирается всё унаследовать. Почему именно Касю так волнует, что я буду делать с квартирой, а больше никого? Может ли она или её сын иметь отношение к преступлению? Злоумышленники, похоже, не теряют надежды забрать деньги.

– Не беспокойся, теперь уже никто не сунется, слишком опасно.

Но Алёна не была в этом уверена. Где гарантия, что преступники не пойдут ва-банк? Она слишком на виду. Одна в этом маленьком и, казалось бы, тихом городке со своими законами. Кто она такая – все знали. Преступники же были неизвестны и могли исподтишка за ней наблюдать.

– Ну и хорошо, что твой муж приезжает, – констатировала Лена, – может, он во всём этом разберется. Все-таки мужчи-

на, к тому же военный.

Настроение прибираться в квартире улетучилось. Женщины решили вернуться и расспросить Гошу, Лениного мужа, который был понятым, во что был одет Александр Васильевич, когда вскрыли квартиру и нашли тело.

– Не помню, – задумался Гоша, который был, на удивление, трезв, – по-моему, на нем были серые брюки, а до пояса он был раздет.

– Точно помнишь, брюки? – с пристрастием допрашивала его Лена. – А не полосатая пижама?

– Нет, точно пижамы не было, брюки такие, серые, в которых Александр Васильевич ходил в институт.

Женщины переглянулись.

– А где же пижамные брюки? Они куда-то девались, раз их не было на Александре Ивановиче. Валялась на диване только куртка. У меня такое впечатление, что кто-то пытается представить дело таким образом, чтобы всё выглядело, как естественная смерть.

– Эти усилия, которые прилагаются, говорят о том, что незнакомцы имеют представление, как скрыть улики, – принялась рассуждать Алёна, – о каком-то профессионализме, что ли. Тем не менее у них есть явные проколы.

– Вот твой муж и поможет в этом разобраться, – устало сказала Лена.

Алёна взглянула на себя в зеркало и пришла в ужас. Никогда она не выглядела столь запущенной. Голова несколько

дней не мыта, волосы висят как пакля. Вид хмурый, взгляд затравленный, на переносице залегла глубокая морщина.

«Надо срочно перестать хмуриться, – подумала женщина, – а то эту морщинку потом ничем не расправишь». Настроение было поганым, на душе скребли какие-то серые кошки.

Все же, подумав, Алёна решила на следующий день отправиться в парикмахерскую, чтобы не напугать своим внешним видом супруга. «Почему я забыла попросить Максима привести мне фен и косметичку. Ну ладно, не взяла с собой на похороны, потому что была сильно расстроена. Но сейчас я могла бы сказать мужу взять эти столь необходимые для женщины предметы. Зачем попросила взять этот дурацкий засов?».

Алёна вспомнила своих бабушку и дедушку. Они рьяно боролись за безопасность. На ночь бабушка запирала входную дверь не только на ключ, но и на засов. А если приходил кто-то посторонний, общалась исключительно через довольно массивную цепочку. Мать всегда сердилась на стариков, говорила, что это глупо. Было спокойное советское время, в квартиры никто не врвался.

С другой стороны, если бы отец не был столь беспечен, и квартира закрывалась изнутри на засов, её бы не смогли ночью открыть специально подобранным ключом и, скорее всего, ничего бы не случилось. Никто не смог бы зайти потихоньку и вероломно застать спящего врасплох. Но в отцов-

ской квартире стоял простенький замочек, который открыть можно было, наверное, шпилькой.

Или ещё... У отца был открыт балкон, жарко ему, видите ли было, закалялся. Через балкон и вошли в квартиру пожарные, когда отец перестал появляться во дворе и на кафедре. Может, убийцы тоже вошли через балкон. Не так уж сложно спуститься с крыши на балкон четвертого этажа. Подозрительный студент, который приходил на поминки, кажется, он что-то говорил про секцию альпинизма. Да, он посещал секцию альпинизма и попросил картину с видом гор, якобы хотел повесить в секции.

Но, скорее всего, сделали вторые ключи. Возможно, похитили ключи у доверчивого и рассеянного отца и сделали дубликат. Сосед по площадке, Лосев,

рассказывал, что незадолго до трагедии отец не мог открыть замок и обращался за помощью. Да и у Алёны были проблемы, замок заедал, поэтому и пришлось врезать ещё один.

Во время этих размышлений Алёна сидела в маленькой парикмахерской, где ей делали укладку. Женщина осталась довольна результатом. Волосы сделали излишне кудрявыми, если уж придирааться, но всё равно прическа стала гораздо лучше.

Вечером добрая Нина Петровна накапала Алёне успокоительные капли, они помогли бороться с бессонницей, преследовавшей последнее время женщину. Она выспалась и

выглядела с утра вполне удовлетворительно. По крайней мере, Максим точно не напугается. Вот если бы ещё была косметичка... Алёна зашла в ближайший магазин и купила себе тушь и какую-то помаду.

Рассмотрев поближе помаду, она подумала, что этот розовый цвет – просто чудовищный и до какого состояния нужно дойти, чтобы такое купить. «Я совсем задвинулась, думая про то, что случилось с папой, – пришло ей в голову. – Эта история с найденными на кухне медалями окончательно меня доконала. Я вообще ничего не понимаю. И нервы совсем никуда не годятся».

Алёна подошла к большому зеркалу в магазине. Оттуда на неё смотрела весьма привлекательная стройная молодая женщина. Русые волосы, длинные и шелковистые, нежный овал лица, красивые серо-зеленые глаза с темными ресницами, изящная шея. Уж сколько Алёна в своё время выслушала всякой критики от мамы и бабушки. И высокая-то она слишком, и худая, и сутулая. Бедная девочка, наслушавшись подобных реплик, сутулилась ещё больше и нажила себе ужасные комплексы. В подростковом возрасте и маленький прыщик кажется вселенской трагедией. А тут она всё время слышала: «ну что поделаешь, ты же похожа на отца». Вот то ли дело мать, невысокая полная яркая брюнетка. Алёна очень страдала, ведь её внешность не одобряли самые близкие люди, а она верила, что близкие люди говорят чистую правду.

Но вот ребенок вырос и всё изменилось. Первой ком-

плимент сказала портниха: «Какая у тебя прекрасная фигура, замечательные параметры. Может, попробуешь себя в модельном бизнесе?». Потом мамина подруга вдруг удивилась: «Алёнка-то у вас похорошела, такая красивая стала». Complиментов становилось всё больше, причём не только от мужчин, но и от женщин и даже от маленьких детей. Постепенно Алёна обрела уверенность в себе. Она стала себе нравиться, научилась со вкусом одеваться и краситься.

Под воздействием общественного мнения уже и мать вынуждена была признать, что дочка сильно похорошела. Сначала это вызывало раздражение. Как такое могло случиться? Ведь не в нашу породу, слишком похожа на отца, да и внутри какая-то другая. Но через некоторое время, привыкнув к новой ситуации, мать решила, что это не так уж плохо. В конце концов, что ужасного, когда дочерью восхищаются. Это даже льстит. Например, у приятельницы дочь совсем несимпатичная, очкастая и нос длинный.

Вот только понять Алёну матери по-прежнему не получалось, они были слишком разными и постоянно ссорились. И это несмотря на то, что бабушка к тому времени уже умерла, и близкие родственники отсутствовали. Про себя Алёна решила, что если у неё когда-нибудь родиться дочь, то она никогда не станет критиковать её внешность, а наоборот, будет всегда хвалить.

Впрочем, мать по-своему любила Алёну. Вот и деньги на пальто ей дала, получив премию. Чёрное кожаное пальто

с большим пушистым воротником сидело на женщине, как перчатка, подчеркивало тонкую талию и очень ей шло. Еще раз посмотрев на себя в зеркало, Алёна отметила, что выражение лица напряженное, вид хмурый, под глазами образовались чёрные круги. Что там говорить, нелегко ей пришлось в этом маленьком тихом городе Бресте.

Вечерело. Подполковник Максим Воскресенский, он же муж Алёны, торопливо подходил к пятиэтажному серому панельному дому по улице Янки Купалы. В Бресте он раньше никогда не бывал, но любоваться милым провинциальным городом было некогда. Безумная тревога за жизнь жены заставила его, бросив дела, вылететь в Белоруссию. Ситуация, в которой оказалась Алёна, была драматической и приводила его в ужас. Можно себе представить, каково приходится его жене, этой с виду нежной и утонченной женщине.

Мало того, что она расстроена смертью отца и в одиночку вынуждена была заниматься организацией похорон, так теперь ещё ужасные подозрения, что смерть была насильственной. А, вполне возможно, и сама Алёна находится под угрозой. Воскресенский в своё время закончил в Санкт-Петербурге военную академию. За несколько лет учебы в этом городе он неоднократно слышал леденящие душу истории про убийства одиноких людей из-за их квартир. В Питере орудовали банды чёрных риэлтеров, часто имеющих связи с правоохранительными органами, нотариусами, жэками. Поэтому к рассказу Алёны муж отнесся со всей серьезностью.

Конечно, то, что происходит в обеих Российских столицах, трудно даже представить в тихом, спокойном и сонном Бресте. В это не хотелось верить. «Сколько может стоять двухкомнатная в этом старом панельном доме? – размышлял Максим. – Неужели этого достаточно, чтобы лишить человека жизни? С другой стороны, возможно, для местных жителей это приличные деньги. Какая молодец Алёна, что не осталась жить в квартире отца. Надо отдать должное её коммуникабельности. Успела познакомиться со всеми соседями и теперь кочует из одной квартиры в другую. А, может быть, здесь люди добрые, старой закалки. У нас вряд ли бы кто-то приютил чужого человека».

Максим зашёл в подъезд и позвонил в нужную квартиру. Дверь открыла полноватая светловолосая женщина приятной наружности.

– Ой, а Вы – муж Алёны? – обрадовалась она. – Проходите, пожалуйста. А меня зовут Лена.

В прихожую вышла бледная осунувшаяся Алёна. Она довольно вяло обняла мужа.

«Она совсем на себя не похожа, – подумал Максим. – Наверное, это стресс так на неё действует».

Квартира у Лены была небольшая, обставлена скромно, недорогой мебелью, но чистенькая и довольно уютная. Хозяйка пригласила Максима на кухню и накормила ужином.

После ужина Алёна и Лена наперебой, довольно сбивчиво, начали рассказывать, как обстоят дела. Максима край-

не удивили последние новости, то, что жена внезапно нашла медали отца. Медали пропали ещё 9 мая. Алёна рассказывала ему по телефону эту довольно мутную историю.

– Я не понимаю, зачем подкинули медали, – спросил Максим, наморщив лоб. – А вы в этом уверены? Может, вы их просто не сразу заметили?

Алёна ужасно рассердилась:

– Ты-то хоть мне веришь? Мы с Леной вдвоём обыскали всю кухню, а там всего-то 5 метров! И ничего там не нашли. А медали я вчера обнаружила на холодильнике, на видном месте. Мы, конечно, их сразу бы увидели.

Лена согласно закивала.

– Ну, хорошо, хорошо, не горячитесь так. Я же не вник ещё во всякие подробности. Может, стоит пройти в квартиру отца, и вы на месте мне расскажите, что случилось.

– Сейчас, только возьму ключи, – согласилась Алёна.

Квартира отца Алёны показалась Максиму очень захлавленной. Ремонта не было уже давно. Обои в гостиной были новые, но наклеены вкривь и вкось. Книжный шкаф забит книгами и бумагами, сервант заставлен посудой и какими-то коробками. На стенах развешены работы самого художника. В глаза бросается большая репродукция Джоконды. «В контексте данной квартиры вид у этой Джоконды какой-то зловещий. Такое впечатление, что она знает какую-то страшную тайну – то, что происходило в квартире в день смерти» – подумал Максим.

Компания прошла в мастерскую. В маленькой комнатке на полу, на шифоньере, на столе – везде стояли картины, а также висели на стенах. Несмотря на то, что Алёна недавно отправила в Новосибирск множество работ маслом, оставалось ещё огромное количество акварелей. «А Александр Черных замечательно пишет, – отметил про себя Максим. – Я, конечно, не какой-то знаток живописи, но отличить хорошую работу от плохой могу. По крайней мере мне эта живопись по душе».

Алёна, следуя женской логике, начала рассказывать с конца. Она отвела мужа на кухню.

– Вот здесь я нашла медали, – показала Алёна на холодильник, находящийся напротив входной двери. – Они лежали на самом видном месте.

Воскресенский внимательно осмотрел помещение. Кухонька была крошечная, напротив входной двери стоял холодильник. Все, что теоретически могло лежать на холодильнике, сразу же бросалось в глаза. Алёна права, не заметить там чего-то просто невозможно. Получается, медали, действительно, подкинули недавно. Но кто это сделал? И, главное, зачем? На первый взгляд связи между подозрительной смертью отца Алёны и пропажей этих медалей ещё 9 мая, более полугодом назад, никакой нет. Но похоже, что эти два события что-то связывает.

Между тем Алёна показала мужу отпечатки посторонних следов в гостиной. Отчетливо был виден след от мужских

кроссовок большого размера, второй отпечаток был немного поменьше, больше походил на след, оставленный ботинком.

– Мы с Ниной Петровной, чудесной женщиной, у которой я сейчас ночую, приходим с утра в эту квартиру, чтобы прибраться. И что мы видим? Следы чужих мужских ботинок по всей квартире! Между прочим, всю ночь шёл дождь, и грязь была свежая!

– Наверное, ночью приходили, – предположила Лена. – Днём никто не осмелится. У нас столько пожилых людей в подъезде, сразу бы заметили чужих. Лосевы, например, или дома сидят и в глазок всё видят или около подъезда на лавочке. Тяпочка у них сильно лает, когда кто-то подходит к квартире. Странно, что собачка ночью не лает, спит что-ли?

– А отца Алёны где нашли? – спросил Максим.

– Его вот тут нашли, на пороге туалета. – ответила Лена, – рядом веничек лежал, типа подметал пол, стало плохо с сердцем, упал и умер, вот только не всё так просто. Соседка снизу слышала шум в третьем часу ночи, когда предположительно Александр Васильевич умер. Стены в доме тонкие. С чего бы Александр Васильевич подметал пол в полтретьего ночи? Да и одет он был почему-то в брюки.

Я вот думаю, что пришли к нему в квартиру, да и убили, а документы на квартиру забрали. А на следующий день у него с утра свет горел и целый день тоже, и Александра Васильевича больше живым никто не видел. На кафедре он тоже не появился, потом и квартиру вскрыли, нашли его.

Максим, слушая рассказ, зашёл в туалет. От его внимательного взгляда не укрылось, что по плинтусу и под ободком унитаза были какие-то ржавые пятна, очень похожие на засохшие пятна крови. Максим решил ничего пока не говорить жене, она и так была сильно расстроена и не хотела переезжать в квартиру отца.

– У него на диване валялась пижамная куртка, – продолжила рассказ Алёна. – Мы с Леной хотели рассмотреть её поближе, но она, представь себе, исчезла! Как сквозь землю провалилась! И это в закрытой квартире. Чудеса, да и только. Кому она нужна?

– Никому, кроме преступников, – сказала Лена. – Похоже, что они уничтожают улики.

– А что, документы на квартиру так и не нашлись? – поинтересовался Максим

– Нет, конечно, – фыркнула Алёна. – Я заказала дубликаты, благо у меня с собой свидетельство о рождении. Копии документов на квартиру, которая приватизирована, находятся здесь у нотариуса в здании районной администрации. Только мне там были совсем не рады, там я встретила яростный отпор.

Меня вот что удивляет, злоумышленники заматают следы, подкидывают медали и крадут пижаму, а я бы на их месте подкинула документы на квартиру. Документы для них сейчас бесполезны, а именно исчезновение документов больше всего убеждает меня, что дело очень нечисто.

– А что говорят в прокуратуре? – поинтересовался Максим.

– В прокуратуре, извините за тавтологию, продолжают продолжать не обращать никакого внимания на меня и мои подозрения. То есть они включили полный игнор. Я сходила и к прокурору на приём и к зам.прокурора и к следователю. По моему, они терпеливо ждут, когда я, наконец, уеду, – пожаловалась Алёна.

– Ничего, мы ещё раз тудаходим, – утешил её муж.

– Знаешь, это только в книгах все сразу бросаются разбираться, строить версии, искать улики, ночами просто не спят. Я уже начинаю подозревать, что в жизни это совсем не так. Как мне заставить их хоть что-то делать?

– Давай завтра обсудим, – предложил муж.

– Да, Вы лучше отдохните с дороги, – сказала Лена.

Алёна понимала, что с приездом мужа придётся покинуть гостеприимное жилище Нины Петровны. Неудобно будет обременять хозяев ещё и взрослым мужчиной. Но сама мысль, что теперь придётся переезжать, спать в квартире, где, возможно, убили отца, приводила её в ужас. И зачем только Максим приехал? Конечно, Алёна рада, что муж о ней беспокоится. Только теперь придётся остаться на неопределенное время, а толку от хождения в прокуратуру вряд ли будет много. Зато Алёна уже в ближайшее время могла бы уехать домой и чувствовать себя в безопасности, а тут она как на иголках, не знаешь, чего ещё можно ожидать. Алёна

нехотя отправилась за своими вещами к Нине Петровне.

– Ты привез засов, я тебя об этом просила? – спросила она мужа, когда вернулась.

– Да, – сказал он, вытащив железяку, оказавшуюся здоровым засовом для садовой калитки.

Алёна невольно засмеялась при виде такого внушительного предмета.

– Я ничего другого не нашёл, не было времени ходить по магазинам, – принялся оправдываться Максим.

– Ты, конечно, не взял ни мою косметику, ни фен, – с неожиданной сварливость сказала Алёна, прекрасно знавшая, что сама забыла об этом попросить.

– Но ты меня ни о чём подобном не просила, – спокойно возразил Максим. – Я, когда узнал что здесь твориться, чуть с ума не сошёл от беспокойства. Мне коллега в нашем отделе дал телефон одного десантника, который раньше у нас служил в подконтрольной части. Он уволился в запас и теперь живет в Бресте. К нему можно будет обратиться за помощью, если понадобится.

– Не знаю, чем он может помочь. Если только на нас напрямую кто-то будет наезжать. Лена считает, что открыто проявлять себя злоумышленники побоятся, слишком опасно.

– Надеюсь, что так и будет. Через полгода, если какой-нибудь неизвестный наследник вдруг не объявится, ты вступишь во владение этой квартирой. Тогда её придётся прода-

вать. Нам ведь не нужна квартира в Бресте? А это довольно опасно в данной ситуации. Тогда нам и может понадобится помощь сослуживца.

– Ты всё-таки думаешь, что вдруг объявится ещё какой-то наследник? Я про это думала. Зачем украли документы? Как они хотят их использовать? Может, где-то существует поддельное завещание. В один прекрасный момент придёт такой вот накаченный молодой человек и скажет, что он наследник. А сам ещё при этом участвовал в убийстве отца!

– Надеюсь, что до такой наглости дело не дойдет. Но опасный момент – это продажа квартиры. Мы же в чужом городе, на виду. А кто злоумышленники, мы не знаем. Дождутся теперь, когда мы продадим квартиру и поедем домой с деньгами. Почему бы нас не убраться, а деньги присвоить? Такие мысли легко могут появиться, раз уж у них не получается унаследовать квартиру.

– Я тебе уже рассказывала, в день похорон приходил один парень, он мне показался очень подозрительным. Молодой такой, студент. Он вёл себя так странно! Долго не уходил, хотя все темы для разговора были уже исчерпаны. Напросился зайти в квартиру под надуманным предлогом. Вошёл в прихожую и так начал зыркать глазами направо и налево, что я очень удивилась. Лосев его видел во дворе ещё до похорон, парень там крутился без всякого дела.

– Тебе нужно было расспросить этого студента, где он конкретно учится, как его зовут.

– Я не догадалась. Была ужасно расстроена похоронами, к тому же ещё напилась таблеток с валерианкой и из-за этого, к сожалению, была заторможенной. На тот момент у меня не было явных подозрений. Они появились на следующий день, когда мы с Леной обыскали весь дом, но так и не нашли документов на квартиру. И тут я посмотрела на смерть отца другими глазами. Кстати, у меня такое ощущение, что Лосевы чего-то не договаривают. Как будто знают несколько больше...

Между прочим здоровенный засов, который ты привез из Новосибирска, его нужно срочно приделать, а то я не смогу спокойно спать в квартире отца. Туда неизвестно кто ходит как к себе домой!

Максим достал засов. Поискав, он легко нашёл ящик с инструментами, принадлежащий отцу Алёны. Художник Черных был абсолютно не хозяйственный, но вынуждён был лично оформлять в багет свои работы. Максим принялся сверлить дверь.

– Этот предмет предназначен для садовой калитки или амбара, – сердилась Алёна, – почему ты не нашёл что-нибудь более подходящее?

– У меня совсем не было времени что-то искать. Купил первое, что попало. Ты точно хочешь, чтобы я его поставил?

– Да, да, – нетерпеливо сказала Алёна, – устанавливай скорее и не отвлекайся.

Странная, на первый взгляд, идея с засовом была навеяна опытом семьи Алёны. Женщина критиковала привычку бабушки и дедушки запираяться на ночь, считая её дурацкой, но теперь казалось, что это было правильно. Если бы отец так делал, это могло спасти ему жизнь.

Привлеченные непонятным шумом появились соседи по площадке – Марина и супруги Лосевы, недолго их пришлось ждать. Они зацокали языками от удивления. Всякие засовы, железные двери, решетки на окнах и сложные замки – это было диво дивное для Бреста, где жили в большом благодушии, как в добрые советские времена.

В подъезде у всех были простенькие двери, которые можно вышибить ногой, примитивные замки, их можно, наверное, открыть шпилькой. Решеток на окнах Алёна не видела вообще нигде. Наверное, подозрения по поводу вероломного убийства отца здесь кажутся дикими и безосновательными. Брест выглядит таким уютным и спокойным. Но, как говорится, в тихом омуте...

Муж закончил, наконец, прилаживать засов, несмотря на насмешки несознательных соседей.

– Без этого я здесь уснуть не смогу, – извиняющимся голосом сказала Алёна. – Два простеньких замка в этой квартире не закрываются изнутри. А ведь папа, предположительно, спал, когда злоумышленники прокрались ночью в квартиру, открыв дверь дубликатом ключа.

Когда соседи ушли, Максим попросил жену показать ему

письмо от участкового. Алёна пригласила супруга на кухню. Она достала из старенького серванта коробку с корреспонденцией. Поискав немного, женщина нашла нужное письмо. Максим изучил послание.

– Да уж, с выражениями участковый не заморачивался. Отказ даже вежливым не назовёшь. Приходится с тобой согласиться, – констатировал Максим.

– Этот хамский тон меня и возмутил. К тому же очень жалко стало папу. Это же ужасно, что с него 9 мая содрали медали. О чём только думают гады, которые такое творят! Вот ради таких потомков отец всю молодость провёл на войне. Лежал в окопах, рисковал жизнью... Почему он мне не написал о краже медалей? Всегда одно и то же в письмах – преподаю в институте, пишу картины, хожу на выставки. Ах, да – ещё гуляю по Брестской крепости. Все хорошо. Никогда никаких жалоб.

– Он просто не хотел грузить тебя своими проблемами. Привык сам их решать.

– Наверное, ужасно так жить. Не с кем поделиться какими-то мыслями, некому пожаловаться... Он мог бы ещё раз жениться. Странно, что он этого не сделал.

Максим пожал плечами.

– Он привык к одиночеству. По моему, он целиком посвятил себя искусству. Жил этими картинами. Обучал молодежь живописи.

– Один из этих учеников, возможно, причастен к его

смерти. До чего некоторые люди подлы неблагодарны!

Максим достал из коробки несколько потрепанных книжечек.

– Вот удостоверения к этим медалям. Если верить удостоверениям, большинство медалей – юбилейные, боевых не так уж много. Зачем вообще нужно было красть медали. Дорого их не продашь.

– Наверное, от жадности. Все сгодиться, лишь бы имело какую-то цену. А может, просто не разобрались, – пожала плечами Алёна.

– Давай уже ляжем спать, – предложил Максим, – я с ног валюсь от усталости.

Алёна постелила на тахте около окна. На отцовский диван-кровать она смотрела с предубеждением, поэтому лечь туда не захотела. Максим быстро уснул, сказывалась усталость с дороги. Алёна же не могла сомкнуть глаз, прислушиваясь к каждому шороху. В голову лезли разные дурные мысли. В этой квартире убили её отца, и стены пропитаны незримой информацией об этом. Пропитаны ужасом застигнутого врасплох человека, его стонами и страданиями. Как будто чёрный сгусток витал в комнате, и Алёна физически чувствовала его тяжесть.

«Где, интересно, сейчас папина душа, – размышляла Алёна, раньше ни при каких обстоятельствах не любившая думать на подобные темы, – может эта душа где-то здесь, недалеко, и наблюдает за дочерью. Хотел бы папа что-то ей рас-

сказать, возможно, предостеречь? Может, Алёна увидит вещий сон? « Я постараюсь, папа, правильно распорядиться твоим наследством, в том числе и картинами. Я постараюсь найти, кто тебя убил» – мысленно обращаясь к отцу, пообещала Алёна. Заснула она только под утро, при первых звуках начавших ходить троллейбусов.

Проснулась женщина от каких-то звуков на кухне. Оказалось, Максим уже сходил с утра в магазин и сделал бутерброды, в кастрюльке булькал кофе. Приятный запах витал на кухне и приятно щекотал ноздри. Хитрая Алёна несколько раз похвалила мужа, и теперь Максим с радостью взял на себя обязанность варить утренний кофе и постоянно совершенствовался в мастерстве. Недавно, например, он стал добавлять в напиток немного корицы и мускатного ореха.

– Конечно, не такой, как дома, свежемолотый и сваренный в турке, – извинился муж, ловко разливая кофе из кастрюльки в две щербатые чашки.

– Всё равно спасибо, – сказала Алёна, – ты же знаешь, я законченная кофеманка, и жизнь без этого напитка мне не мила. Сейчас позавтракаем и нужно сходить к районному нотариусу, забрать документы. В Бресте дубликаты документов на приватизацию хранятся у районного государственного нотариуса.

– Ты про этого нотариуса мне рассказывала, что она нелюбезно с тобой разговаривала, отказывалась сообщить приватизирована ли квартира, есть завещание?

– Да, это очень странно, она же нотариус, а я предоставила документы – своё свидетельство о рождении и свидетельство о смерти отца. Всё это доказывало, что я его дочь.

– Но потом она согласилась предоставить тебе эти сведения.

– Да, когда я догадалась принести запрос от нотариуса, который у них занимается правами наследования.

– Как всё запутано. Непросто тебе пришлось, – посочувствовал Максим.

– Все потому, что документы украли. Но теперь эта странная нотариус довольно любезна, даже вежливо улыбается. Хотя взгляд при этом какой-то неприятный, колючий.

На приёме у нотариуса народу было мало, и Алёна довольно быстро получила дубликаты украденных документов. Теперь было абсолютно ясно, что документы на данный момент оформлены на отца Алёны, Александра Васильевича Черных, каких-то иных владельцев не появилось.

– Слава богу, что квартиру не перепродали задним числом, а то и такое бывает, например по поддельной доверенности, – прокомментировал Максим.

– Если ты про преступников, убивших папу и укравших документы

, то они, скорее всего, побоятся заявить о каких-то правах. Хотя кто его знает. Нотариус районной администрации сказала, правда, под нажимом, что завещания нет. Но ведь есть ещё частные нотариусы и у любого может быть завещание,

например, кем-то сфабрикованное.

– Давай немного пройдемся и обсудим ситуацию, – предложил Максим, – можно доехать до центра города и там погулять. Предлагаю мозговой штурм. Заодно покажешь мне Брест, я же здесь ни разу не был.

Супруги заскочили в уходящий троллейбус. Один из мужчин на задней площадке показался Алёне знакомым. Женщина встретилась с ним взглядом. «О, да это же следователь Спотына» – вспомнила этого неприятного человека Алёна. Следователь, судя по всему, чувствовал себя далеко не так уверенно, как тогда, когда наорал на Алёну в своём кабинете. Его бело-розовое лицо начало покрываться красными пятнами. «Чего ты так занервничал, – ехидно подумала Алёна, – а ещё говорил, что совесть у тебя давно потеряна. Может, тебя поругал прокурор? А может, есть ещё какая-то причина?».

– Посмотри, – толкнула локтем мужа Алёна, – вон тот белобрысый мужчина, это следователь, который проводил предварительную проверку причин смерти отца. Теперь он говорит, что на место происшествия не выезжал, потому что милиционеры сообщили, что якобы следов криминала нет.

Максим с любопытством уставился на следователя Спотыну. Тот нервно заерзал и на ближайшей остановке поспешил выйти из троллейбуса.

– Какой-то неприятный, скользкий тип, – констатировал Максим, – почему он сразу вышел из троллейбуса?

– Может, он уже приехал, – предположила Алёна.

Супруги решили немного пройтись. День выдался теплый, весна начала вступать в свои права. Алёна подумала, что впервые за последние дни радуется ярко светящему солнцу. В городе было много зелени, но деревья только начали просыпаться от зимней спячки. На ветвях набухли почки, весело чирикали воробьи, как будто обсуждали приятные новости.

«Папа теперь никогда уже этого не увидит, – печально подумала Алёна, – а ведь он так любил жизнь». Она с мужем шла по широкому проспекту. Брест сильно пострадал в войну, и весь центр был застроен безликими современными зданиями. Улицы блистали чистотой. Благодушного вида жители неторопливо гуляли по городу.

– Провинциальный тихий городок, все ведут себя чинно и благородно. Это в Москве люди толкаются, куда-то спешат с озабоченным видом, – сказал Максим.

Попетляв немного по городу, супруги попали на колхозный рынок. Продукты радовали ценами и прекрасным качеством. Нежно-розовый свиной бок, источающий аппетитный запах, белоснежный рассыпчатый творог, белорусская знаменитая картошечка, красные наливные яблочки и огромные зеленые груши.

– Местные яблочки – это нечто, – сказала Алёна, – Я никогда таких вкусных не ела. А цены здесь такие, что чувствуешь себя состоятельным человеком.

Купив замечательного деревенского сала и красивых красных яблок, супруги ушли с рынка очень довольные. Недалеко находился скверик с липовой аллеей. Максим и Алёна решили немного отдохнуть и присели на лавочку.

– Расскажи ещё раз мне по порядку все, что случилось, – попросил Максим, – с твоих сумбурных рассказов по телефону я не всё понял. Нужны нюансы. Как говорят, дьявол кроется в деталях.

– Я, когда приехала на похороны, ничего подозрительного не чувствовала, – призналась Алёна. – Мне сказали в институте, что отец умер от сердечного приступа, есть заключение экспертизы. Нашли его дома, квартира была закрыта, явных следов насилия вроде не было, в квартире всё было на месте, даже деньги лежали в столе. Удивляться не чему, ведь папе было больше 80 лет, а от инфаркта умирают и более молодые мужчины. Так что у меня и мыслях ничего дурного не было.

В день приезда ко мне вечером зашла пожилая соседка, Лосева, и настойчиво пригласила у неё переночевать. Я сначала отказалась. Но потом мне вдруг стало так жутко в отцовской квартире, что хотя был уже поздний час, я отправилась к Лосевой. Они с мужем не спали и мне обрадовались. Позже пришла ещё одна соседка, Марина. У меня такое впечатление, что она всё время торчит у глазка квартиры. И хотя я сильно хотела спать, они мне наперебой начали рассказывать, как обстояло дело.

Например, в заключении экспертизы указана дата смерти

отца – 19 февраля. Но в этот день его нашли, вскрыв квартиру. А умер он раньше, предположительно ночью 16 февраля. Утром 16 февраля у него горел свет в окне и весь день тоже. Но он не отвечал на телефонные звонки и стук в дверь. С тех пор свет у отца горел круглосуточно, а его живым больше никто не видел.

В дом вошли при помощи пожарных, которые залезли через открытый балкон и отперли дверь. При вскрытии квартиры присутствовали понятые, среди них был Ленин муж Гоша. Отец лежал, до пояса обнаженный, в серых брюках на пороге туалета, рядом валялся веник. Типа он подметал пол и упал. Но если верить соседке, то шум от падения она слышала ночью. Спрашивается, зачем ему ночью подметать пол, да ещё в брюках, в которых он ходил в институт? А где, в таком случае, его пижамные брюки? Их вообще никто не видел, зато все видели пижамную куртку, она валялась на смятой постели. Но теперь она странным образом исчезла из квартиры.

Лосевы ещё рассказали, что за несколько дней до смерти у отца возникли проблемы с дверным замком, который внезапно стал заедать. Я, кстати, тоже намучилась с замком и вынуждена была поставить новый. Еще очень странно вот что. Я когда увидела отца на похоронах, поразилась багровому следу у него на переносице, как от удара. Мне сказали, что это он так ударился о порог туалета, когда упал. Но зав. кафедрой мне позже признался, что один из преподавателей

предположил, что отец был избит.

Но всё-таки подозрения у меня возникли, когда мы с Леной обыскали всю квартиру, но так и не нашли никаких документов на жилплощадь. Куда они могли исчезнуть из дома? Да ещё парень подозрительный приходил на поминках. Все расспрашивал, зыркал глазами по всей квартире.

После поминок начали происходить странные вещи. Сначала пропала пижама, потом на чистом полу появились следы от двух пар ботинок большого размера. А потом мы на видном месте нашли медали, которые у папы украли 9 мая. Люди редкой степени наглости продолжают ходить в квартиру как к себе домой, несмотря на то, что я приехала.

Мне и следователь кажется подозрительным, и участковый, и нотариус, и студент, пришедший на поминки. Может, у меня паранойя? Документы потерял папа, медали мы с Леной как-то не заметили. Но куда тогда девалась пижама? И кто оставил следы на полу? Я ничего не понимаю, у меня мысли путаются.

– Ясно... что ничего не ясно, – прокомментировал Максим, – я тебя специально не перебивал, чтобы вникнуть. Я всё время думал, где слышал фамилию Касьяник. Пока ждал тебя около кабинета нотариуса, от скуки прочитал табличку на двери. На табличке была написана фамилия нотариуса – Касьяник.

– Ну и что? – спросила Алёна.

– Я вспомнил. Фамилия участкового, который написал

твоему отцу отказ в возбуждении уголовного дела тоже Касьяник, если я не ошибаюсь. Но придем и посмотрим.

– Как ты думаешь, участковый и нотариус – родственники или однофамильцы? – спросила заинтригованная Алёна.

– Может быть, однофамильцы. Хотя я сомневаюсь в подобном совпадении. Скорее всего, они родственники. Возможно, муж и жена.

– Не нравится мне это... Что это значит?

– Может, ничего не значит. Но у меня есть версия. Например, такая. Участковый выявляет одиноких стариков, а нотариус помогает оформить документы, например, завещание. И тогда это замечательный альянс, которому ничего не угрожает. Имеется также подставной наследник. После оформления завещания одинокому владельцу жилья жить остаётся совсем недолго. Есть люди, которые помогают ему отправиться на тот свет. И тут из Сибири приезжает неожиданно объявившаяся наследница, которая начинает качать права, написала заявление в прокуратуру и ещё неизвестно, какие факты может накопать. В таком случае ты в опасности, Алёна.

– Я, всё-таки, не понимаю, зачем похитили документы. Как их предполагали использовать? Я приехала и заказала дубликаты утраченных документов, а по старым продать квартиру уже нельзя.

– Тут теоретически есть два варианта. Первый – продать квартиру по поддельной доверенности. Но это вряд ли воз-

можно. Твоего отца нашли довольно быстро, ведь свет включенным оставили специально. Вполне возможно, что дверь на балкон открытой тоже оставили, чтобы в квартире не было запаха. При таких обстоятельствах водить покупателей опасно, соседи сразу же заподозрили бы неладное. Другое дело, если бы твой отец куда-нибудь надолго отлучился. Тогда можно было говорить, что он уехал в другой город к родственникам и поручил продать квартиру. Но поскольку твой папа работал, его отсутствие бы вызвало вопросы. Так что этот вариант не прокатывает.

Остаётся второй. После смерти твоего отца появляется наследник и приносит поддельное завещание. Можно сказать, что художник Черных не поддерживал отношений с единственной дочерью и поэтому решил оставить квартиру любимому ученику. Неудобно же писать завещание на участкового, это вызвало бы подозрения.

– Меня удивило, что первое, о чем меня спросил следователь Спотына, когда мы позвонили ему вместе с зав. кафедрой, так это – поддерживала ли я отношения с отцом. А потом в письмах отца кто-то рылся, и последнее моё письмо я нашла на серванте. А я его туда не могла положить, это для меня слишком высоко и неудобно.

– Ну вот видишь, это очень странно.

– Нотариус мне сообщила, что завещания нет. Хотя она сказала это с явной неохотой.

– Наверное, даже если бы было какое-нибудь завещание,

они его побоялись вытаскивать, слишком опасно. Ты своим приездом порушила их планы. А они, судя по всему, давно готовились, сделали дубликаты ключей, возможно, подделали завещание и самое главное – пришли и убили.

– Не факт, что завещания нет. Есть ещё многочисленные частные нотариусы. Лженаследник может объявиться в течение полугода со дня смерти. Возможно и позже, если докажет, что не знал о случившемся. Так что расслабляться рано.

– Хорошо, что ты сразу же приехала. По свежим следам истину установить гораздо проще.

– Да, а мама меня призывала не ехать. Хотя с моральной точки зрения это неприемлемо. О чем она только думала? Может, подсознательно чувствовала, что мне здесь угрожает опасность.

– Здесь, действительно, тебя ожидала опасность. Кто бы мог подумать? Если бы ты не осталась ночевать у соседей, то те двое, которые приходили ночью, с тобой бы расправились. Для чего они иначе приходили? Здорово, что тебя опекали соседи. Возможно, ты обязана им жизнью.

У Алёны опять испортилось настроение. До этого она не особенно задумывалась, какой опасности подвергалась. Но теперь с ней муж и это уже хорошо! Вспомнив, что мужчину нужно кормить, Алёна предложила зайти в бульбянную. Она помнила это недорогое кафе, где когда-то обедала с отцом.

Александр Черных очень не любил готовить. Видимо, это единственное, что его роднило с матерью Алёны. За годы

жизни в одиночестве он научился готовить всего лишь одно блюдо – это мясо с картошкой в скороварке. Обычно он питался в дешевых столовых, но если, в кое-то веке, приезжала в гости дочь, водил её обедать в кафе, например, в бульбянную. Там очень хорошо готовили национальное белорусское блюдо из бульбы, то есть из картошки – драники со шкварками.

– Драники – это практически белорусская религия, – сказала Алёна мужу, сидя за столиком в кафе. – Их готовят и в гостях, и в кафе, и в столовых, с душой и по-домашнему. Сама по себе белорусская картошка невероятна вкусна, это серьезный местный актив. А ещё есть национальное блюдо – колдуны, это – вещь! Такие колобки из картошки, а внутри – мясо.

Просветив подобным образом мужа, который был любителем кавказской кухни и перекусив румяными драниками, супруги вернулись.

Во дворе дома, где долгие годы проживал отец Алёны, к ним подошла пожилая женщина и с любопытством спросила:

– Что вы теперь будете делать с квартирой? Продавать?

– Не знаю, – уклончиво ответила Алёна, – мы ещё не решили.

– Но с оформлением наследства нет проблем? – не унималась тетка.

– Все нормально, – сухо ответила Алёна.

– Кто это? – поинтересовался муж, когда они отошли на

достаточное расстояние.

– Это Кася, она живет в соседнем подъезде, через стенку с папиной квартирой. Единственная из всех соседей активно интересуется, нет ли у меня проблем с оформлением наследства и что я собираюсь делать с квартирой.

– А ей-то какое дело?

– Не знаю. Может, просто очень любопытная. Я, когда только приехала и пошла первый раз к нотариусу, с ней сразу же столкнулась, Кася меня ранним утром догнала на остановке и пыталась выпросить, как у меня обстоят дела. Лена говорит, что у любознательной соседки есть сын, и у него репутация не очень хорошая. Занимается мелкой коммерцией, имеет какие-то денежные проблемы, долги. Лена рассказывала, что не задолго до смерти отца, она встретила сына Каси в подъезде, он спускался с папиного этажа. Лене это почему-то не понравилось. На вопрос, что он, собственно, тут делает, с раздражением ответил – почувствовал запах газа, и пришёл проверить так ли это.

– Эта Кася может многое знать. Раз она живет через стенку от квартиры твоего отца, она могла слышать, что происходит, например, какие-нибудь стоны или шум, – предположил Максим.

– Теоретически это так. Стены в доме довольно тонкие, это же хрущевка.

Не успели супруги переступить порог квартиры, как раздался телефонный звонок. Бывшая коллега отца Анфиса, с

которой он совместно вёл изостудию, предложила встретиться и поговорить. Договорились, что она подъедет через часок.

Максим тем временем зашёл на кухню. Он нашёл коробку с письмами и, перебрав их, обнаружил нужное.

– Алёна, – позвал Максим, – я нашёл письмо из милиции. Оно подписано участковым по фамилии Касьяник. Такая же фамилия и у нотариуса. Остаётся вопрос, кем они другу приходятся.

– Я даже не обратила внимание, что у участкового и нотариуса фамилии совпадают. Как это понимать? Просто голова идет кругом. У меня куча подозреваемых. Неужели эта маленькая хрущоба такого стоит? У папы не было антиквариата, дорогостоящих украшений. Стоило из-за этого убивать?

– Ну это тебе кажется, что не стоило. А некоторые люди могут убить и за меньшее.

– Но действующих лиц как-то уж очень много. Мне теперь подозрительна ещё и Кася ... вместе с её сынком – коммерсантом. А этот парень – студент, который приходил на поминки. Вот уж кто подозрителен! Он легко мог спуститься с крыши на балкон, который был открыт, так как занимался в секции альпинизма. Или мог украсть у папы ключ и сделать дубликат, судя по всему, он бывал у отца дома.

– Но есть ли между подозреваемыми какая-то связь? Если все в сговоре, то на человека получается совсем немного денег после реализации квартиры.

Анфиса представляла собой образчик женщин, целеустремленных, активных, работающих до глубокой старости, и параллельно увлекающихся какой-нибудь йогой, моржеванием или ещё чем-то подобным. Невысокая, худенькая, она была одета в джинсы и спортивную куртку, из-под беретки выбивалась кокетливая волнистая седая чёлка. Анфиса преподавала на кафедре и последние несколько лет вела изостудию для студентов вместе с отцом Алёны. Она являла собой яркий образчик старой советской интеллигенции.

Анфиса с ходу сообщила, что смерть Александра Черных ей кажется не естественной и подозревает она – кого бы вы думали – работника, который клеил у отца Алёны обои. Строительный рабочий был мрачный, грубый и с первого взгляда не понравился коллеге отца.

– Вот где он нашёл такого работника? – восклицала в гневе преподавательница. – Вы посмотрите, как наклеены обои! Вкривь и вкось. Я и то бы лучше наклеила.

С этим утверждением трудно было не согласиться. Часть обоев уже местами отошла от стены и висела. Даже верх не был выровнен и выглядел как бы уступами. Алёна тоже подумала, что даже она наклеила бы лучше, и что работник был какой-то странный и явно не профессиональный.

– Я не понимаю, где Александр нашёл такого ценного кадра, – продолжала сердиться Анфиса. – Мало того, что вообще не умеет ремонтировать, так к тому же работник был такой неприятный, смотрел исподлобья, всё время огрызал-

ся. Надо посмотреть по записным книжкам, может, где-нибудь есть координаты этого умельца. Возможно, остались какая-нибудь квитанция или запись?

Алёна не испытывала особого энтузиазма по поводу данного совета. Поискать, конечно, можно, но маловероятно в этом обилии всевозможных бумажек что-нибудь найти.

– Красивая репродукция, – сказала Анфиса, подходя вплотную к портрету Джоконды. – У неё вид такой... мудрый. Как будто она знает, что происходило в этой комнате. А Вы, Алёна, учились где-нибудь живописи? Вам же сам Бог велел, папа Ваш всю жизнь учил молодежь.

– Я ходила в изостудию, – ответила Алёна, для которой это было больной темой.

– Ну и почему не стала поступать на архитектурный факультет или в художественное училище? Александр говорил мне, что у Вас есть способности, он смотрел Ваши работы.

– Не знаю, так получилось, – уклончиво ответила Алёна.

Причина была в том, что она сомневалась в своих возможностях. Вот если бы отец позанимался с ней, подготовил к экзаменам. Алёна критически относилась к своим способностям, она считала, что ей было далеко до свободного и уверенного рисунка, свойственного отцу. А малоталантливым художником Алёна быть не хотела. Она мечтала найти свой путь, но он так и не находился.

– Александр последнее время преподавал на кафедре на полставки, – рассказала Анфиса, – прислали новых препо-

давателей из Минска, пришлось освободить место. Всё-таки возраст уже очень преклонный. Поэтому мы с ним много занимались изостудией. Туда ходили не только студенты архитектурного факультета, но и другие.

– А он приглашал кого-нибудь из учащихся к себе домой? – поинтересовался Максим.

– Конечно. Несколько раз в прошлом году он приглашал к себе студентов, показывал свои работы, слайды с репродукциями известных художников. К тому же Александр занимался репетиторством. К нему домой ходило несколько человек, готовились к вступительным экзаменам на архитектурный факультет. Только сразу говорю, я их не видела и не знаю, кто они.

– А что за история у него произошла с медалями? – продолжал допытываться Максим.

Анфиса махнула рукой.

– У нас в институте 9 мая всегда чествуют ветеранов войны. Естественно, они приходят, надев награды. На встрече ветеранам налили «фронтовые 100 грамм». А папа же Ваш совсем не может пить, но отказаться постеснялся. Вот он и вырубился. Всех ветеранов развезли по домам и Александра тоже. Но до квартиры ему не помогли подняться. Он на лавочке у подъезда и уснул. А когда очнулся – оказалось, что у него с пиджака сняли медали. Так, по крайней мере, он мне рассказывал. Александр сначала не хотел идти в милицию, но я его уговорила. Участковый с ним так грубо, пренебре-

жительно разговаривал, поэтому он расстроился и не стал больше туда ходить, сказал, что это бесполезно. Переживал, конечно, сильно. Я ему и говорю: «Ты сделай планочки, удостоверения же к медалям остались». Александр в итоге так и сделал. И опять занялся своим творчеством, живописью, да работой со студентами.

– А отец Алёны Вам не говорил, может, он случайно нашёл свои медали? Или в милиции вдруг их разыскали и вернули? – поинтересовался Максим.

– Нет, что вы! Об этом бы все, разумеется, узнали. Преподаватели были в курсе пропажи медалей. И мне он ничего не говорил, хотя я с ним постоянно встречалась на занятиях. Он бы со мной обязательно поделился, если бы нашлись награды.

Алёна и Максим переглянулись.

– Так вот, – медленно сказал Максим, – медали Александра Васильевича нашлись!

– Не может быть, – удивилась Анфиса, – как это понимать?

– Алёна их обнаружила. Они лежали на холодильнике на видном месте.

– Ну это уже черт знает что! – воскликнула Анфиса, – Мне даже с сердцем плохо стало! А можно мне на них посмотреть?

– Да, пожалуйста. – Алёна принесла кошелечек с наградами. – Муж посмотрел, они соответствуют его удостоверению.

ям к медалям.

Анфиса растерянно уставилась на находку.

– Ничего не понимаю. Их подкинули, получается, что ли? Даже не могу понять, зачем это сделали. Здесь творятся странные дела! Вы будьте поосторожнее. В прокуратуру написали?

– Да, мы оставили заявление, где подробно рассказали о странных фактах и своих подозрениях. Но пока никаких признаков начала расследования.

– Это, наверное, только в кино так бывает, они строят версии, ночами не спят – пытаются разобраться. Но вы на всякий случай поищите координаты работника, который клеил обои у Александра Васильевича. Он мне сильно не понравился.

Алёна предложила Анфисе забрать что-нибудь из художественных принадлежностей отца – уголь, мелки, бумагу, гуашь.

– Вам это нужнее, – сказала Алёна, – а мне всё равно не пригодится.

Анфиса с удовольствием выбрала массу всего, что ей приглянулось. Напоследок она сказала:

– Ваш папа, Алёна, был очень увлечен творчеством. Он этим жил. Эти прекрасные работы в мастерской написаны за последние годы. Ему было жалко даже их продавать. А сколько он возился с учениками! Он ведь не только учил живописи, но и читал лекции по истории искусств. А ещё очень

любил гулять по Брестской крепости, почти каждый день туда ходил, причём пешком. Хороший он был человек, только замкнутый. Ни с кем, кроме коллег не общался. Мы-то знали, что у него в далекой Сибири есть дочка. Но посторонние могли подумать, что человек одинок. Лучше бы почаще рассказывал, что у него есть дочь. Глядишь бы и жив остался... А Вы, Алёна, сводите мужа в Брестскую крепость. Он же здесь ни разу не был. А у нас такие места красивые!

Алёна и Максим гуляли по берегу Буга. Они решили последовать совету Анфисы. Полуразрушенная стена Брестской крепости отражалась в темной воде. Вдоль кромки берега реки росли плакучие ивы. Листьев на деревьях ещё не было, так как весна была поздней. Крепость была построена на полуострове, образованном слиянием рек Буг и Муховец и выглядела живописно. На другой стороне реки – пограничные вышки, а далее – территория Польши.

– Чувствуется особая энергетика места, – сказал Максим, – эта земля повидала немало войн и вся буквально полита кровью.

– При этом присутствует какая-то мистическая красота, – поддержала мужа Алёна, – две живописные реки, развалины крепости и ивы, стелющиеся вдоль воды. Хотя сегодня суббота, но народу немного, можно погулять вдоль бастионов.

– Я прекрасно понимаю, почему здесь так нравилось твоему отцу, и он часто здесь гулял, – задумчиво произнёс Максим. – Здесь присутствует и красота, и простор, и история.

Да, ещё постоянно звучащая военная музыка и голос, который объявляет, что началась война, создаёт определенное, очень сильное впечатление. Даже мороз по коже. Эта обстановка, возможно, вызывала у твоего отца воспоминания о былом. Он тебе что-нибудь о войне рассказывал?

– Вообще ничего. Представляешь? Я сейчас даже удивляюсь этому. Обычно ветераны очень любят поговорить на эту тему. Но для папы это был пройденный этап жизни. Такой уж он был человек. Его интересовало только искусство. Я очень жалею, что не расспросила отца о войне, а теперь он уже ничего не сможет рассказать. А я поняла, что про эту часть его жизни хочу узнать побольше.

– А ты часто с ним встречалась?

– Нет, я бы так не сказала. Они с мамой разошлись, когда мне было лет пять, поэтому я почти ничего не помню. Через пару лет отцу предложили работу в Бресте. Здесь ему дали новую квартиру. Он ещё тогда не был разведен с матерью и предложил ей переехать вместе со мной в Брест.

– И она что, отказалась?

– Ты не знаешь мою мать. Она обожала свою работу, проектный институт и коллектив. Типичный работоголик. А также она была бурно привязана к своей матери, моей бабушке. Бабушка, между прочим, везла на себе многочисленные бытовые заботы. Всё это было для матери гораздо важнее мужа, которого она никогда не любила.

– А зачем она тогда выходила замуж?

– Этого я понять не могу. Логика – это не про мою маму. Жаловалась, что не было красивых ухаживаний. Отец был невнимателен и заиклен на себе и своём творчестве. Первоначально привлекла его надежность. Но потом всё равно сказало отсутствие любви. Ведь без любви жизнь не играет яркими красками, особенно для молодой женщины. Появилась холодность, которую невозможно было преодолеть. Отец ведь был очень увлечен искусством, замкнут. Ничего вокруг себя не замечал.

– Наверное, все творческие люди такие... – предположил Максим.

– Не думаю. Мне кажется, с обеих сторон присутствовал эгоизм, заикленность на себе, нежелание что-то отдавать партнеру.

– Ну, надеюсь, у нас такого не будет, – сказал Максим, обнимая Алёну.

Вечером Нина Петровна устроила посиделки, пригласив Алёну с мужем и Лёну.

– Мне иногда кажется, что родственники никогда не были ко мне так внимательны и добры, как Нина Петровна и Алексей Федорович, – призналась Алёна мужу.

Круглый стол с вышитой вручную скатертью был накрыт в лучших советских традициях: вареная рассыпчатая белорусская картошечка, сало с мясными прожилками, колбаска, селёдка, солёные огурчики и грибочки. Венчала это великолепие запотевшая бутылка водки. Нина Петровна вынесла из

кухни блюдо румяных пирожков с капустой. Алексей Федорович предложил помянуть отца Алёны. Все выпили, не чокаясь, как предписывает традиция. Алёна залпом опрокинула стопку с холодным обжигающим напитком. Обычно она не употребляла ничего крепкого, в лучшем случае – вино. Но именно водка как нельзя лучше была созвучна сейчас её настроению.

– Хорошие у вас, сибиряков, лица, – сказал Алексей Федорович с чувством, – лица открытые, добрые. Мне кажется странным, что наша большая страна распалась. Вроде в войне участвовали вместе. Вот я, например, воевал. Или Лосевы. Они оба воевали. Антонина Васильевна имеет множество наград, хоть и женщина. Сейчас, к сожалению, к фронтовикам не очень хорошее отношение. Например, у батюшки Вашего награды украли прямо 9 мая, в день Победы. Ужасно, если вдуматься. И даже искать отказались правоохранные органы. Алексей Федорович залпом выпил стопку водочки.

– Плохо, что папа Ваш был такой замкнутый, – сказала Нина Петровна, – Вот мы почти 30 лет живем в одном подъезде и не помню, что бы он с кем-то общался. Скажет при встрече: «Приветствую Вас» и дальше идет. И не приходил к нему никто, только ученики. Он несколько человек готовил к вступительным экзаменам.

– А к нему девочки ходили или мальчики? – спросила Алёна, оживляясь.

– Надо Лосевых спросить, они живут за стенкой, поэтому лучше знают, – ответил Алексей Федорович, – Вот с Лосевыми Ваш папа ещё как-то общался. Один раз они попросили в подарок какой-то понравившийся им пейзаж. И он им подарил. Тогда Лосевы спросили, что они могут сделать взамен, и он им сказал: «Пригласите меня на Новый год».

Алёна подумала: «Бедный отец. Всё время он был чем-то занят – лекции в институте, занятия в изостудии. И только в праздники он оставался один».

– Вот если бы Александр Васильевич почаще общался с людьми, – сказала Лена, – хотя бы рассказывал, что у него есть дочь. Возможно, до сих пор был бы жив. Мы-то знали, что у него есть дочь, только очень далеко, в Сибири. А посторонние могли подумать, что он одинок, и польститься на квартиру. Ведь куда могли исчезнуть документы на недвижимость?

– Конечно, – поддержал Алексей Федорович, – документы сами из квартиры уйти не могли. К тому же их не так-то мало – свидетельство о приватизации, тех.паспорт и домовая книга. Не может быть, что бы Александр Васильевич куда-то их посеял.

– Слишком много последнее время у него пропало, – сказала Лена, – Сначала сняли медали, потом странно умер. А ещё зачем-то украли пижаму. Следы эти жуткие по всей квартире. Зато подбросили раннее украденные медали. Алёна, тебе повезло, что ты не осталась ночевать в этой жуткой

квартире, как чувствовала. Страшно подумать, что бы они с тобой сделали!

Алёна, действительно, почувствовала, что нужно искать поддержки у соседей. Это вопрос жизни и смерти. Началось всё с Лосевой. Именно она настойчиво первая предложила Алёне помощь. Возможно, знала что-то? Больше, чем говорит?

В любом случае папины соседи были такие милые люди. Мало кто проявлял к Алёне столько внимания и заботы, и она всегда будет за это благодарна.

– Я одного не понимаю, – сказал Максим, – Вот выяснилось, что приехала дочь на похороны, и все усилия напрасны, именно она должна унаследовать квартиру. Преступники принялись замечать следы, например, они украли пижаму. Возможно, на ней было что-то, что могло показаться подозрительным. Но зачем они подкинули медали? Ведь это только усилило подозрения, что есть криминальная подоплека. Гораздо логичнее было бы подкинуть документы на квартиру, типа они нашлись. Ведь именно исчезновение документов первоначально дало основания подозревать, что смерть насильственная. У нас в России слишком много таких случаев. Документы преступникам уже не пригодятся, раз наследница приехала. А у нас бы было меньше оснований для подозрений.

– Кто знает, вдруг они ещё думают воспользоваться этими документами, – предположила Алёна, – полгода ещё не

прошло. Любой человек, который имеет основания претендовать на наследство, может обратиться к нотариусу и написать заявление. Они вот сейчас подождут, посмотрят, что мы будем делать.

– В любом случае ты, Алёна, должна всё время писать заявления в прокуратуру и милицию и требовать расследования. Пока идут проверки по поводу смерти твоего отца, преступники побоятся сунуться с поддельным завещанием, – сказал Алексей Федорович.

– Я уже написала заявление в прокуратуру, очень подробное. Сходила на приём к прокурору и зам.прокурора. Они обещали, что бросят все силы на выяснение обстоятельств смерти. Но никто ничего не делает. По-моему, они тупо ждут, когда я, наконец, уеду. Мы с Максимом хотим завтра сходить в милицию. В конце концов, кто-то приходил в квартиру, оставил следы. Пусть хотя бы снимут отпечатки.

– Какие милые люди, – сказал Максим вечером, вернувшись в квартиру, – Такие простые, добродушные. Как жаль, что твой отец с ними почти не общался.

Начальник уголовного розыска внимательно выслушал эмоциональный рассказ Алёны и по ходу беседы задавал уточняющие вопросы. Поджарый, невысокий, с цепким взглядом – этакий местный Коломбо, он излучал сочувствие и доброжелательность.

– А зачем пижаму-то украли? – вмешался полноватый милиционер, тоже слушавший рассказ.

– Так пижама – вещдок, – пояснил Максим на доступном языке.

– Ааа..., – понимающе протянул милиционер.

– Значит так, – констатировал начальник уголовного розыска, – Мы готовы начать расследование, готовы. Но нам для этого нужно указание прокуратуры. А она нам пока ничего подобного не приказывала. Но мы пришлем вам сегодня криминалистов. Пусть они снимут отпечатки чужих следов в квартире. А вы ещё раз напишите в прокуратуру, что в квартиру было осуществлено постороннее вторжение.

На минуту Алёне пришло в голову – а не нанять ли этого человека в качестве частного детектива, раз уж прокуратура не проявляет никакой активности. Но она отказалась от этой мысли. Проблема была не только в деньгах, а их не было, но и в том, что Алёна не знала, кому в этой ситуации можно доверять.

Криминалисты действительно пришли – два человека с каким-то чемоданчиком. «Отпечатков в квартире очень много, – сказали они, – чужие следы четко видно, и мы их снимем».

– Пора, наверное, уезжать домой, – сказала Алёна мужу, – Мы сделали пока всё, что могли.

Они отправили в Новосибирск оставшиеся картины отца, благо с Максимом это сделать было куда легче. Часть вещей из квартиры отдали Лене.

– Я отвезу это сестре в деревню, – сказала Лена, – там

такая нищета, они будут рады.

Немного расслабилась Алёна только в самолёте. Слава Богу, они летят домой. И там, по крайней мере, им ничего не угрожает. Но повышенная тревожность даже на минуту не отпускала её.

– У меня есть подозрение, – поделилась она с Максимом, как только самолёт набрал высоту и стало возможно разговаривать, – что парень, который приходил на поминки, я тебе о нем рассказывала, имеет какое-то отношение к смерти папы. Я почти уверена, что это так. Парень вёл себя очень странно. Вроде молодой и симпатичный, а взгляд какой-то застывший и неприятный. От него веял такой холод! Он долго не уходил, расспрашивал, зыркал по сторонам.

– Тебе надо было расспросить, кто он такой, где учится, – сказал Максим.

– Нужно было. Теперь я очень корю себя, что так не сделала. Однако всё было как в тумане. Я была расстроена из-за похорон.

– Он совсем ничего не говорил о себе?

Алёна напряглась и начала вспоминать. Лицо паренька отчетливо встало перед глазами. Пушистые ресницы и этот странный взгляд с расширенными зрачками, очень неприятный, от которого мороз по коже. Может, это были глаза убийцы? А может, убийц было несколько и этот парень один из них? Алёна злилась на себя из-за недогадливости, обычно она соображала очень быстро. Что же он говорил?

– Он меня просил подарить картину «Горы», – вспомнила Алёна, – сказал, что это для секции альпинизма. Я так поняла, что он посещает эту секцию. Но я это уже рассказывала.

– Он ещё и альпинист, – задумался Максим, – А ведь он мог залезть в квартиру отца через балкон. Но, возможно также, что убийцы зашли через дверь, подобрав заранее ключ, а дверь открыли специально, чтобы выветривался запах. Они ведь хотели впоследствии воспользоваться этой недвижимостью.

– Короче, получается этот парень учился в институте, посещал изостудию и секцию альпинизма. Явно бывал у папы дома. Мне кажется, его легко можно найти и допросить. Милиция это быстро могла бы сделать.

– Если прокуратура, наконец, сообразовоит заняться этим делом. Мне кажется, этот парень действовал не в одиночку. Если всё так, как мы предполагаем, а у нас пока только догадки, – продолжил рассуждать Максим. – Парень мог быть наводчиком. Он сам сообщил, что занимался в изостудии. А коллега твоего отца, Анфиса, рассказала, что Александр Васильевич несколько раз приглашал студентов к себе домой, показывал свою мастерскую. Демонстрировал репродукции и слайды картин великих мастеров. А у этого парня могли быть сообщники, например, в правоохранительных органах. Но это, конечно, только версия.

Мать встретила Алёну холодно.

– Ну, и как ты съездила? – хмуро процедила сквозь зубы

она.

«Как будто я на курорт ездила и там развлекалась, – с обидой подумала Алёна – Одна я знаю, как тяжёло мне дались эти похороны. А ещё ужасные подозрения, что смерть отца насильственная... Странно, что мать реагирует на похороны с такой неприязнью. У них с отцом были вполне цивилизованные отношения. Хотя какие-то обиды, безусловно, остались. Иначе почему родители разошлись? Но это было уже так давно, былшем поросло. Мать не хочет понимать, какво мне пришлось. Даже посторонние люди проявили гораздо больше сочувствия и поддержки».

Несмотря на то, что Алёна рассердилась, она всё-таки вкратце рассказала матери, что произошло.

– Что, действительно документы на квартиру пропали? – удивилась мать.

Алёна кивнула. Мать нахмурилась:

– Тогда, конечно, это подозрительно. Документы не могли сами уйти из квартиры. А ты всё время жила у соседей?

– Да, они очень добрые и внимательные люди. Так меня поддерживали! – сказала Алёна с неким подтекстом.

Поддержку от матери она так и не получила.

Мать покачала головой:

– У нас в подъезде вряд ли кто-то приютил бы незнакомо-го человека. А расскажи поподробнее про медали.

– У отца 9 мая украли медали, прямо с пиджака сняли у подъезда. А потом мы с Леной нашли эти медали. Они ле-

жали на холодильнике в старой кожаной сумочке.

– Так может, вы просто не заметили их сначала.

– Ну что ты говоришь, – рассердилась Алёна, – это невозможно. Мы перетряхнули всю квартиру, каждый уголок. Я прихожу как-то с утра от соседей, где ночевала, и, пожалуйста, медали лежат на видном месте, на холодильнике!

– Это очень странно. Допустим, что так. Подбросили медали... Зачем? Я не понимаю. Так получается, есть какая-то связь между предполагаемым убийством и пропажей медалей, о которой никто бы не догадался, если бы эти медали не надумали подбросить.

– Получается, связь есть. Только какая? А медали подбросили, я думаю, чтобы отвести подозрения. Откуда они знали, что за день до этого мы с Леной перетрясли всю квартиру. Наверное, подумали, что не до этого было.

– Алёна рассказывала, – вмешался в разговор Максим, – что в день похорон приходил подозрительный студент и она рассказывала ему про пропажу медалей. А после их сразу и подбросили.

– Да, это так, – кивнула Алёна. – Приходил парень, симпатичный такой, высокий. Я и выплеснула ему своё возмущение казенной отпиской милиции по поводу кражи медалей. Но он мне показался странным. Долго не уходил, топтался, выпрашивал, как долго я пробуду, что собираюсь делать дальше. У меня до сих пор от него мороз по коже. Как будто он помнит, что творилось в квартире.

– Тебе надо было расспросить этого парня, кто он такой, чем занимается, где учится.

– Я знаю, – загрузила Алёна. – Но тогда я не додумалась. Он просил у меня акварель «Горы». У меня кто только не просил живопись отца в подарок – соседи, коллеги по работе. И все говорили, что папа им обещал картину, но вот не успел подарить, умер. И это при том, что коллеги утверждали, что последнее время отцу было жаль даже продавать свои работы. Он говорил, что эти картины ему как дети.

– Мне кажется, милиция легко могла бы найти этого парня. Интересно было бы проследить, с кем он встречается, – сказал Максим.

– Вы думаете, милиция начнет разыскивать этого парня и его допрашивать? – спросила мать.

– Прокурор клялся и божился, что они во всём разберутся. И нам напишут, – сказала Алёна.

– Ну, ну..., – саркастически протянула мать, приподняв брови.

Беда была в том, что и сама Алёна подсознательно не верила, что начнется полноценное расследование. Из-за всех этих переживаний женщину начала мучить жестокая бессонница. А если удавалось забыться в тревожном сне, то снились кошмары, и она просыпалась от собственного крика.

На улице Алёна нос к носу столкнулась с приятельницей Кирой. Они навстречу друг другу перебежали скоростную магистраль, лавируя между машинами, так как зеленый свет

уже закончился. Кира, увидев подругу, ловко развернулась в противоположную сторону, чудом не столкнувшись с «Лексусом», за рулем которого сидела самоуверенная дама. Дама лихо вырулила, одновременно разговаривая по телефону и раздраженно сигналила.

– Что это с тобой, – изумилась Кира, когда подружки добежали до тротуара. – На тебе лица нет!

Алёна махнула рукой, вытирая слезу:

– У меня отец умер...

– Слава богу, – сказала Кира.

Алёна недоуменно на неё посмотрела.

– Я думала, ты чем-то заболела, так ты плохо выглядишь. А так – всё понятно. Ну что, пойдём ко мне, ты мне обо всём расскажешь. Хотела за квартиру заплатить, но это в другой раз.

Кира жила неподалеку в коммунальной квартире в старом, сталинской постройки, доме. Соседи у неё были вредные, единственный плюс – расположение жилища в центре города. Квартира была огромная, дурацкой планировки. Гость попадал сразу же в квадратную прихожую, из которой виднелось множество белых, с облупившийся краской, дверей. Кирина комната была длинная и узкая, трамвайчиком, с высоким потолком и огромным, во всю комнату окном. Обставлено жилище было довольно просто, но со вкусом, насколько позволяли Кире финансы, которых всегда не хватало.

Приятельница сбегала на кухню и вернулась с дымящейся туркой с кофе. Аромат наполнил комнату, пока Кира разливала напиток в маленькие изящные чашечки. Она закурила, присев на краешек подоконника. В окно заглянула кошка, чёрная, с белой грудкой и ярко-зелеными глазами.

– Представляешь, – сказала приятельница, – эта соседская кошка вылезит через форточку и гуляет по всему периметру дома, а у нас 5 этаж. И ко всем заглядывает в окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.